

Тени над Вороновым перевалом

Ольга Ефимова

Ольга Ефимова

Тени над Вороновым перевалом

«Автор»
2026

Ефимова О.

Тени над Вороновым перевалом / О. Ефимова — «Автор», 2026

Семнадцатилетняя Арина Волкова переезжает с отцом в маленький город, затерянный между горами и лесом, где дома старше века, а люди говорят шёпотом. Отец должен отреставрировать заброшенную усадьбу рода Воронцовых — и это единственная причина, по которой они здесь. Арина ведёт дневник: сначала чтобы не сойти с ума от одиночества, потом — чтобы записывать то, что не решается сказать вслух. В первую же неделю в городе пропадает старшеклассник. Полиция говорит о побеге, но Арина находит в лесу камень с выжженным символом — таким же, как на старых чертежах усадьбы. А потом встречает двоих: Марка — спокойного, вежливого, слишком наблюдательного, и Кирилла — резкого, дерзкого, который первым говорит то, что не должен: «Тут не просто пропадают. Арина быстро понимает: братья — вампиры. В городе действует древний порядок: раз в несколько десятилетий «пробуждение» — и кто-то становится ключом к чему-то большему. В дневнике Воронцовой 1920-х годов говорится о «страже порога» и том, кто открывает».

© Ефимова О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Дорога в никуда 5
Глава 2. Первый день 15
Глава 3. Тот, кто знает больше 21
Глава 4. Следы на земле 29
Глава 5. Дневник Воронцовой 35
Глава 6. Братья 40
Глава 7. Тот, кто не спит 50
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Ольга Ефимова
Тени над Вороновым перевалом

Глава 1. Дорога в никуда

Говорят, если долго смотреть на лес, он начинает смотреть в ответ. Пока наша машина не свернула с трассы на грунтовку, и хвойный лес по обе стороны дороги не сомкнулся над нами, как чьи-то огромные ладони.

Я смотрела в окно и думала, что где-то там, за этими елями, начинается другая жизнь. Не моя.

— Арина, ты только посмотри! — отец высунулся в окно, едва не задев зеркало бокового вида. — Чувствуешь? Это же воздух! Настоящий, хвойный, а не эта московская взвесь!

— Чувствую, — сказала я. — Как будто кто-то забыл закрыть холодильник.

Отец засмеялся. Он всегда смеялся над моими шутками, даже когда они были не смешные. Павел Волков, сорок пять лет, архитектор с горящими глазами и верой в то, что старые дома умеют разговаривать. Он всю жизнь реставрировал то, что другие хотели снести. Говорил, что здания помнят. Я говорила, что ему просто нравится копаться в чужих секретах.

— Это усадьба Воронцовых, — сказал он, когда мы проехали указатель. — Понимаешь? Конец девятнадцатого века! Представляешь, сколько там всего? Резьба, лепнина, паркет... Я читал, там даже библиотека сохранилась. Представляешь, Арина? Настоящая библиотека!

— Представляю, — сказала я. — Пауки размером с кошку.

— Ну и пессимистка ты.

Я не пессимистка. Я просто реалистка с блокнотом.

В блокноте у меня было тридцать семь страниц. Не потому, что я писала много — потому что я писала всё. Даже каждую мелочь. Мне казалось, что если записывать жизнь, она перестаёт ускользать. Что если всё зафиксировать — имена, даты, лица, — то мир становится понятнее и управляемым.

Мне было семнадцать, и я ещё верила, что мир можно понять.

Указатель был старый, выцветший. «Воронов Перевал. Население 214 человек». Цифра была написана от руки, и кто-то пририсовал рядом смешную рожицу. Я подумала: двести четырнадцать человек. Это меньше, чем в моём московском классе. Это меньше, чем людей в одном подъезде моего дома.

— Пап, а почему здесь население всё время уменьшается? — спросила я.

— В смысле?

— Ну, двести четырнадцать — это мало. Раньше, наверное, было больше.

Отец пожал плечами.

«Городки постепенно угасают: молодёжь разъезжается, работы почти не осталось. Кажется, будто это уже привычная картина».

Я не стала вслух говорить, что всё это кажется мне совсем не нормальным. Взгляд скользил по тёмной стене леса, а в голове крутилась пугающая догадка: может, люди здесь не просто исчезают — их что-то утягивает прочь, будто выдёргивает из привычной жизни. Не в силах прогнать эту мысль, я торопливо записала её в блокнот, потом нервно зачеркнула. Но фраза не хотела стираться из памяти — и позже я перенесла её в другой дневник, тот самый, который прятала от всех.

У меня было два дневника, два мира. В первом, обычном, в клеточку, жили правильные слова — для отца, для учителей, для всех, кто ждёт понятных, спокойных объяснений. А второй, в чёрной обложке, хранил мою настоящую правду. Шифр я придумала в тринадцать лет,

и он стал моим тайным языком — тем, на котором можно было говорить о том, что вслух произносить страшно.

Машина резко вильнула, сворачивая на грунтовку, и я едва не выпустила из рук заветную тетрадь. Дорога превратилась в полосу рытвин и ухабов: «Форд» подбрасывало на колдобинах, он прыгал и кренился, будто пытался вырваться из этой тряски.

— Держись, — спокойно сказал папа, не отрывая взгляда от дороги. — Осталось совсем немного.

Я вцепилась пальцами в сиденье, стараясь унять дрожь. Лес становился всё плотнее: деревья смыкались над дорогой, будто выстраивали живую стену. Сквозь густую листву пробивался свет, но он был каким-то неправильным — мутно-зелёным, словно я смотрела на мир сквозь толстое бутылочное стекло. От этого света внутри всё сжималось, будто кто-то осторожно тянул за невидимую нить где-то под рёбрами.

— Пап, ты точно уверен, что мы едем туда, куда нужно? — голос прозвучал тише, чем хотелось.

Арина, мы едем по карте, — папа чуть крепче сжал руль.

— А если карта старая? Если всё тут изменилось?

— Тогда найдём дорогу по звёздам, — он чуть улыбнулся, будто пытался развеять мои страхи одной этой фразой.

— Сейчас же день, — возразила я почти шёпотом.

— Значит, по солнцу.

Я хотела добавить ещё что-то, задать ещё один вопрос, чтобы просто слышать его спокойный голос подольше, но слова застряли в горле: машина резко вынырнула из полумрака леса, и перед глазами распахнулся вид на Воронов Перевал.

Городок лежал впереди, прилепившись к крутому склону, будто боялся сорваться вниз. Дома, старые и потемневшие от времени, стояли тесно, с деревянными ставнями и резными наличниками, которые когда-то были нарядными, а теперь казались частью какого-то забытого обряда. Церковь с покосившимся крестом смотрела на дорогу, словно сторожила границу между привычным миром и чем-то иным. Река бежала внизу — тёмная, стремительная, будто торопилась унести с собой всё, что мешало ей течь. А над всем этим висел плотный, упрямый туман: он не рассеивался, не таял под дневным светом, будто ему здесь было своё, особое место.

Это не выглядело как место, где живут люди. Скорее, как место, которое когда-то их приютило, а потом тихо отпустило. Теперь здесь оставались только отголоски, тени прежних голосов, застывшие в резных узорах, в покосившихся крышах, в тяжёлом воздухе.

— Красота какая, — восхищённо выдохнул отец, раскидывая руки, будто хотел обнять весь этот пейзаж. — Арина, ты только посмотри! Настоящая Россия. Не то, что эти стеклянные коробки в Москве — тут душа чувствуется.

— Ага, — пробормотала я, скользя взглядом по покосившимся крышам и тёмным окнам. — Настоящая Россия. С привидениями.

Отец только усмехнулся:

— Ну какие привидения? Тебе уже семнадцать — пора взрослеть.

— В прошлом году мне было шестнадцать, и ты сам говорил, что в этом возрасте уже можно смотреть фильмы ужасов.

— Это другое. Кино — это выдумка. А тут просто старый городок.

Я не стала спорить. Да и какой смысл? Я всё равно чувствовала, как город смотрит на меня — не метафорически, а по-настоящему. Из каждого окна, из-за каждой занавески, из-за покосившихся заборов. Нас уже заметили. О нас уже шептались.

— Приехали, — тихо сказал папа, когда машина остановилась у кованых ворот.

Ворота были тяжёлые, старинные, с причудливым гербом. Только это был не орёл и не лев — просто круг с тремя пересекающимися линиями. Я уже видела этот символ раньше: на

папиных чертежах, на полях рядом с планом подвала. Тогда я решила, что это просто декоративный узор. Теперь же он казался чем-то большим — словно знаком, который я не могла расшифровать.

— Это усадьба? — спросила я, кивая на огромный дом впереди.

— Она самая, — ответил отец, и в его голосе прозвучала едва уловимая дрожь — будто он сам до конца не верил, что добрался сюда.

Дом возвышался над участком, массивный и мрачный: три этажа, колонны, балкон с балюстрадой, высокие окна, тёмные, словно пустые глаза. Стены оплетал плющ, и от этого казалось, что дом не стоит на месте, а медленно дышит. Где-то на втором этаже мелькнула тень — лёгкое движение за стеклом, и тут же исчезла.

— Пап… — начала я.

— Что?

— Там кто-то был. В окне.

Отец посмотрел туда, куда я показывала, подождал несколько секунд. Ничего. Только ветер шевелил плющ.

— Показалось, — спокойно сказал он. — Дом старый, тут везде сквозняки, тени гуляют. Это нормально.

— Нормально — это когда в доме никого нет. А когда в заброшенном доме кто-то ходит — это уже не нормально.

Арина, — он произнёс моё имя мягко, но твёрдо, и я сразу поняла этот тон. Он означал: «Пожалуйста, не заставляй меня выбирать между твоим страхом и моей работой». Я прикусила язык и замолчала.

Мы вышли из машины. Воздух ударил холодом — влажным, тяжёлым, пропитанным запахом сырости и мха. К нему примешивался ещё один запах — сладковатый, но неприятный, как у увядших цветов, которые слишком долго простояли в воде.

— Флигель там, — папа махнул рукой влево, на небольшое аккуратное здание рядом с главным домом. — Мы будем жить там, пока я работаю. Усадьбу трогать нельзя: сначала проектная документация, согласования, разрешения… целая куча бумаг.

— А когда можно будет её трогать?

— Месяца через два. Может, три.

Три месяца. Я мысленно прикинула: двести четырнадцать человек в городке, плохая связь, ни одного знакомого лица. Три месяца без привычной жизни, без друзей, без нормального интернета. От этой мысли внутри всё сжалось.

Достав блокнот, я быстро записала:

«День первый. Мы на месте. Город — Воронов Перевал. Население — 214 человек. Из них одна я. Папа называет это архитектурным бриллиантом. Я — декорацией к фильму ужасов. Он смеётся. Я — нет».

Флигель оказался маленьким, но чистым. Две комнаты, кухня, ванная. Мебель старая, но добротная, будто сделанная на века. На стенах — обои с выцветшими цветочками, такие блёклые, что узор напоминал не рисунок, а воспоминание о рисунке.

— Уютно, — с довольным видом огляделся отец. — Правда?

— Правда, — кивнула я, старательно пряча дрожь в голосе.

На самом деле мне не было уютно. Мне казалось, что из тёмного угла кто-то наблюдает. И запах в ванной был не просто запахом сырости — в нём чувствовалось что-то металлическое, похожее на запах железа. Но я ничего не сказала. Пусть хоть один из нас верит, что всё в порядке.

Я не стала говорить, что, когда открыла шкаф, мне почудилось, будто внутри что-то шевельнулось — словно тень скользнула по полкам и тут же растворилась. Просто молча раз-

ложила вещи, стараясь не смотреть в тёмную глубину шкафа, и тихо повторила про себя: «Ты справишься. Ты всегда справляешься».

Вечером отец уехал в город — за продуктами и какими-то нужными для работы материалами. И вот я осталась одна.

Сидела на кровати, листала страницы блокнота и прислушивалась к тишине. Она была не пустой, а какой-то густой, будто в ней кто-то притаился. Будто тишина здесь не означала отсутствие звуков, а была сама по себе живым, насторожённым существом.

Я подошла к окну и выглянула наружу. Напротив, тёмная и безмолвная, выстилалась усадьба. На втором этаже снова мелькнула тень — чёткая, не похожая на игру света. Я вглядывалась в окно целую минуту, потом ещё одну. Больше ничего не двигалось.

«Это ветка, — убеждала я себя. — Ветер качает ветви, они отбрасывают тени. Или сквозняк шевелит занавеску. Всё что угодно, только не то, о чём я думаю».

Я подошла к окну ещё раз и выглянула.

У колодца, в сотне шагов от флигеля, стояли двое.

Я заметила их не сразу — они не двигались, а лес за их спинами был таким тёмным, что фигуры почти растворялись в нём. Но что-то в их позах заставило меня замереть у окна. Они не гуляли. Не ждали кого-то. Они стояли так, как стоят люди, которые пришли к определённому месту и определённому времени.

Высокие. Оба в тёмных куртках, слишком тёплых для такой погоды. Один — светловолосый, с прямой спиной и руками в карманах. Второй — темноволосый, с резкими чертами лица, которое я видела плохо, но чувствовала: углы жёсткие, губы кривятся, будто он всё время что-то оспаривает. Они говорили тихо. Слов я не разбирала — только ритм, короткие фразы, паузы. Светловолосый кивал. Темноволосый — нет. Он вообще не любил кивать, я это почему-то поняла сразу.

Я стояла у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу, и говорила себе: «Это просто люди. В городе живут люди. Они стоят у колодца, потому что им больше негде стоять». Но я не верила. Что-то в том, как они держались — слишком неподвижно, слишком внимательно, — говорило: они здесь не просто так.

Светловолосый обернулся.

Не резко. Медленно, будто его что-то потянуло. Посмотрел на флигель. Потом — выше. На моё окно. Прямо на меня.

Я отшатнулась. Сердце ударило в горло. Но было поздно — он меня увидел. Я поняла это по тому, как он замер. Не вздрогнул, не отвёл взгляда — просто застыл, как будто нашёл то, что искал. И в этом не было ничего пугающего. Наоборот — что-то спокойное. Усталое. Как будто он надеялся, что меня здесь не будет. И знал, что я буду.

Темноволосый тоже обернулся. Не сразу — светловолосый что-то сказал ему, коротко, и только тогда он повернул голову. Посмотрел прямо на меня. Слишком долго для случайного взгляда. Я видела, как в темноте блеснули его глаза — не отражение света, а что-то своё, глубокое, как у кошки.

Потом он усмехнулся. Не зло. Скорее — с интересом. Как будто я была загадкой, которую он только что разгадал. И — кивнул. Один раз коротко. Как будто здоровался. Будто знал, что я буду здесь. Как будто мы уже встречались — в другой жизни, в другом городе, в другой истории.

Я не кивнула в ответ. Не могла. Руки не слушались, ноги приросли к полу.

Я задернула штору так резко. Так, что кольца звякнули о карниз. И стояла в темноте, прижав ладонь к груди, и слушала, как колотится сердце.

«Кто они? — думала я. — Что они здесь делают? Почему они смотрели на меня?»

Я подождала минуту. Потом ещё одну. Потом снова выглянула — уже осторожно, одним глазом, между шторой и рамой.

У колодца никого не было.

Только тени, лес и старый дом, который дышал.

Я легла в кровать. Накрылась одеялом с головой. Как в детстве. Как будто это могло помочь.

Не помогло.

Я задернула штору. Сердце колотилось.

«Кто они? — подумала я. — Что они здесь делают? Почему они смотрели на меня?»

Достала телефон и в который раз проверила экран «Сети не было. Телефон молчал, как будто его здесь никто не ждал».

— Отлично, — проговорила я вслух, и мой голос прозвучал в комнате непривычно громко, будто пытался разогнать эту давящую тишину. — Просто отлично.

Тогда я вытащила свой чёрный блокнот — тот, с детским шифром, который знала только я, — и быстро записала:

«День первый, вечер.

Я снова видела эту тень — она проскользнула по окну усадьбы, резкая и отчётливая, совсем не похожая на пляску света.

А потом мелькнула ещё раз, чуть в стороне, будто кто-то тихо пересёк комнату и замер.

Два раза. И оба раза — одинаково пугающе настоящие.

Папа уверяет, что это просто сквозняк шевелит тени.

Но сквозняк не ходит, не замирает, не прячется за рамой, словно прислушивается.

Внутри всё сжимается от страха, но я крепко держу ручку и стараюсь выводить буквы ровно, не давая им дрожать.

Ничего не скажу папе: он и так на пределе из-за переезда, каждую мою паузу читает как тревогу.

Пусть хотя бы думает, что со мной всё в порядке — ему и без моих страхов хватает забот.

«Я справлюсь. Я всегда справляюсь», — шепчу себе под нос, будто эти слова могут отгородиться от темноты за окном.

И буду шептать их снова и снова, пока дрожь не уляжется хотя бы настолько, чтобы можно было спокойно выдохнуть.

Захлопнув блокнот, я легла в постель. Ночь тянулась бесконечно. Я ловила каждый звук: шуршание в стенах, будто кто-то осторожно водил пальцем по штукатурке; скрежет в подвале, похожий на царапанье длинных ногтей, отдалённые шаги в лесу — или это просто ветер гудел в кронах деревьев? Я уговаривала себя, что это старый дом, что старые дома живут своей жизнью и издают сотни звуков. Что это нормально. И почти заставляла себя в это поверить.

Утром меня разбудил резкий стук в дверь. Я вскочила, накинула халат и распахнула её.

На пороге стояла девушка: светлые волосы, яркая куртка, а улыбка — такая широкая, что казалась почти неправдоподобной. Совсем не как у людей в Москве, где улыбки берегут, словно мелочь в кошельке.

— Привет! — весело сказала она. — Ты новенькая? Я Лика, из школы. Мне сказали, что кто-то приехал, и я подумала: надо познакомиться, пока ты не сбежала.

Я моргнула, пытаясь собраться с мыслями.

— Сбежала?

— Ну да, — она рассмеялась легко, почти беззаботно. — Все рано или поздно сбегают. Шучу… Ну, почти. Некоторые остаются. Правда, ненадолго.

В её словах скользнула такая тихая горечь, что я уловила её не сразу — сначала приняла за обычную шутку, а потом вдруг поняла: в этой фразе пряталась какая-то местная правда, привычная и оттого почти незаметная.

— Я Арина, — ответила я, будто это имя могло хоть немного меня защитить. — Мы сюда переехали. Папа реставрирует усадьбу.

— А, усадьба, — Лика снова кивнула, и в этом движении было что-то знакомое, будто она тысячу раз слышала эту фразу и знала, что за ней следует. — Ну да. Конечно. Усадьба.

Она смотрела на меня не как на случайную соседку, а так, будто во мне было что-то особенное. С таким же интересом, наверное, разглядывают редкую бабочку — будто боятся спугнуть, но при этом хотят рассмотреть каждую деталь.

— Слушай, — Лика чуть наклонила голову, и в её голосе появилась тёплая настойчивость, — ты ведь не завтракала, да? Пойдём, я тебя накормлю. У нас тут кафе всего одно, зато своё. Не «звезда Мишлена», конечно, но кофе там хороший. И вообще… когда в городе всего одно кафе, оно становится чем-то вроде центра вселенной.

Я замешкалась, снова оглянулась на флигель — тихий, будто затаённый, как будто он шептал мне: «Останься, не уходи никуда». Но уйти хотелось именно потому, что флигель слишком громко молчал.

— Мне надо папе написать, предупредить, — проговорила я, уже доставая телефон, хотя знала, что сети всё равно нет. Просто мне нужно было хоть какое-то действие, чтобы унять неловкость.

— Конечно, — спокойно кивнула Лика, не выказывая ни раздражения, ни спешки. — Я подожду. Хоть пять минут, хоть десять. Тут время течёт по-другому, ты скоро сама заметишь.

И она действительно просто стояла и ждала. Не разглядывала меня, не суетилась, не пыталась заполнить тишину болтовнёй — просто терпеливо стояла, будто для неё это было самым обычным делом. Это было так непривычно, что казалось почти странным.

Я посмотрела на неё. **У неё были** светлые волосы — не платиновые, а тёплые, пшеничные, которые на солнце кажутся золотистыми, а в пасмурный день — просто светлыми. Стрижка короткая, практичная, будто она сама её подрезала ножницами на кухне. Веснушки — не те милые, что украшают, а настоящие, рассыпанные по носу и щекам, как будто кто-то брызнул краской и не стал вытирать. Глаза серо-зелёные, с прищуром — она всегда смотрит так, будто проверяет, шутка это или нет. Улыбка широкая, быстрая, но не всегда доходит до глаз. Когда она устаёт или боится, улыбка остаётся, а глаза — нет.

Одета просто: джинсы, свитера, куртка не по размеру — то ли с чужого плеча, то ли просто любимая до дыр. Ничего яркого, ничего вызывающего. Она не хочет, чтобы её замечали. Но её замечают — потому что она единственная, кто в этом городе говорит то, что думает, и не делает вид, что всё в порядке.

Мы пошли в кафе. Оно называлось «У перевала» и выглядело так, будто стояло здесь ещё с тех времён, когда город только начинал жить: деревянные столы, вышитые салфетки, тёплый, пряный запах кофе и корицы, который будто обнимал с порога.

— Итак, — Лика села напротив и слегка улыбнулась, — ты из Москвы. Это ведь далеко?

— Далеко, — согласилась я.

— И как тебе тут?

— Странно, — честно призналась я.

Лика кивнула, словно это был самый ожидаемый ответ.

— Странно — это нормально. Тут всё немного странное. — Она сделала глоток кофе. — Ты уже видела усадьбу поближе?

— Видела. Мы живём во флигеле. А внутрь папа пока не пускает: говорит, нельзя, пока не будет вся документация.

— Ага, — снова кивнула Лика, будто и это она уже знала заранее.

Лика снова кивнула — не удивлённо, а так, будто заранее знала, что я скажу.

— Правильно говорит. Туда лучше не ходить.

Я посмотрела на неё внимательнее.

— Почему?

— Ну… — она пожала плечами, и в этом движении мелькнула какая-то неловкость. — Старый дом. Мало ли что. Может, там что-то есть.

— Что-то?

— Ты понимаешь… — она чуть понизила голос, будто боялась, что стены кафе могут подслушать. — Всякое.

Я не понимала. Или понимала, но не хотела понимать.

— Лика, — я наклонилась чуть вперёд, — что здесь происходит?

Она долго смотрела на меня, будто решала, сколько можно сказать. Потом улыбнулась, но улыбка вышла уже не такой широкой, не такой беззаботной.

— Ничего, — тихо ответила она. — Правда. Просто… люди иногда пропадают. Но это нормально. Везде люди пропадают.

— Пропадают? — слово прозвучало резко, будто ударилось о стол.

— Ну да, — она снова отпила кофе, будто глоток мог сгладить неловкость. — Уезжают. Уходят. Не возвращаются. Как я и сказала — нормально.

Я хотела спросить ещё, но что-то в её взгляде остановило меня. В нём мелькнуло предупреждение: не лезь дальше. И я не стала.

Мы ещё немного поговорили — о школе, об учителях, о том, как тут бывает скучно долгими вечерами. Лика рассказывала легко, с иронией, и я невольно улыбнулась: в ней было что-то живое, яркое, будто она умела подсвечивать даже самые серые дни. Она призналась, что живёт здесь всю жизнь, что мечтает уехать, но не может — мама болеет. Что в таком маленьком городе все друг друга знают, и это одновременно и спасение, и ловушка.

— Слушай, — сказала я. — Я вчера видела двоих. У колодца, недалеко от нашего флигеля. Высокие, в тёмных куртках. Один светловолосый, второй темноволосый. Ты знаешь, кто это?

Лика замерла. Не в смысле «остановилась на полуслове» — она просто перестала жевать. Чашка застыла в воздухе. Потом она медленно поставила её на стол.

— Ты их видела?

— Видела. Они стояли у колодца. Потом посмотрели на моё окно. Один даже кивнул.

— Кивнул? — Лика нахмурилась. — Кирилл кивнул?

— Кто?

— Кирилл - тёмноволосый. — Она помолчала. — А светловолосый — это Марк. Они братья.

— Братья? — Я удивилась. — Они не похожи.

— Они и не должны быть похожи. Они... — Лика замолчала, будто подбирая слово. — Они разные, даже совсем разные. Но братья. Приехали года полтора назад. Говорят, из Петербурга.

— И что они здесь делают?

— Никто не знает. — Она пожала плечами. — Живут в старом доме на окраине. Не общаются ни с кем. Ну, почти.

— Почему «почти»?

— Потому что Кирилл иногда... — Она помолчала. — Он как будто специально всех бесит и провоцирует. Говорит вещи, которые не надо говорить. Не потому что дурак, а потому что хочет посмотреть, что будет. Понимаешь?

Я вспомнила Кирилла. Его взгляд — тёмный, насмешливый, слишком внимательный. Как он кивнул мне. Как будто знал, что я буду здесь.

— А Марк? — спросила я.

— Марк ещё ничего. Вежливый, здоровается. Может даже помочь, если попросить. — Лика помолчала. — Но он... странный. Как будто он здесь, но не совсем. Как будто думает о чём-то другом. Всё время.

— И что мне делать?

— Ничего. — Лика посмотрела на меня. — Держись от них подальше. Правда. Я серьёзно.

Я не сказала, что уже не держусь. Что Кирилл уже подошёл ко мне — не вчера, а сегодня, в первый вечер. Что он уже сказал мне то, что не должен был говорить. Что я уже думаю о нём — не как о странном парне из странного города, а как о человеке, который знает больше, чем говорит.

Я просто кивнула и допила свой кофе.

Просто кивнула и тоже допила свой кофе — он был уже холодным, но я всё равно сделала глоток, будто это придавало сил.

Домой я вернулась ближе к обеду. Отец сидел за столом, раскладывал чертежи, водил пальцем по линиям, хмурился и что-то бормотал себе под нос.

— Ну как? — он поднял глаза и улыбнулся, и эта улыбка была такой тёплой, такой обычной, что на секунду всё странное показалось просто игрой моего воображения. — Познакомилась с кем-нибудь?

— С Ликой. Из школы, — ответила я.

— Отлично! — он просиял, будто это было самым важным достижением дня. — Видишь? Всё не так плохо.

— Ага, — тихо согласилась я. — Всё не так плохо.

И я не рассказала ему ни про тень в окне, ни про усадьбу, ни про Кирилла, ни про слова Лики о пропавших людях. Не хотела добавлять ему поводов для тревоги. Не хотела, чтобы он смотрел на меня с этим особенным, осторожным беспокойством — будто я вот-вот сломаюсь.

Вечером отец уехал в город — за продуктами и какими-то материалами, без которых не обойтись в работе. И вот я осталась одна.

Сидела на кровати, листала блокнот, а сама всё прислушивалась к тишине. Она тут была не пустой, а какой-то плотной, густой, будто в ней кто-то затаился и выжидал. Будто тишина в этом месте — не отсутствие звуков, а что-то живое, насторожённое, почти осязаемое.

Я подошла к окну и выглянула. Напротив, тёмная и безмолвная, высилась усадьба. На втором этаже снова мелькнула тень — чёткая, резкая, совсем не похожая на игру света. Я вглядывалась в окно минуту, потом ещё одну. Но больше ничего не двигалось.

«Это ветка, — упрямо твердила я себе. — Ветер качает деревья, тени пляшут по стенам. Или сквозняк шевелит занавеску. Всё что угодно — только не то, о чём я думаю».

Снова достала телефон и в который раз уставилась на экран. Сети также не было.

— Отлично, — сказала я вслух, и собственный голос прозвучал в комнате непривычно громко, будто пытался разогнать эту давящую тишину. — Просто отлично.

Тогда я вытащила чёрный блокнот — тот самый, с шифром, который придумала ещё в тринадцать лет и который знала только я. Быстро, почти судорожно записала:

«День второй, вечер.

Тень в окне усадьбы мелькнула дважды — чётко, будто кто-то прошёл по комнате и замер. Не расплывчатое пятно, не игра света, а именно движение — размеренное, человеческое.

Папа говорит, это сквозняк. Но сквозняк не ходит по этажам, не останавливается у рамы, не прячется в полумраке. Страх царапает изнутри, холодный и настойчивый, и я крепче сжимаю ручку, чтобы строчки не плясали по странице.

Не стану ничего говорить папе — ему и так тяжело: переезд, работа, этот огромный дом, который будто смотрит на него в ответ. Пусть хотя бы думает, что у меня всё под контролем. Я листаю страницы блокнота, перечитываю старые записи, будто в них спрятан какой-то ответ.

Тишина за окном становится гуще, и в ней чудится чужое дыхание.

Завтра я пойду туда, к усадьбе, и посмотрю поближе. Даже если страшно. Особенно потому, что страшно».

Я захлопнула блокнот и легла, натянув одеяло так высоко, что виднелись только глаза. Ночь будто застыла — каждая минута тянулась бесконечно, а тишина давила, становилась всё плотнее, словно собиралась меня поглотить.

Я вслушивалась в темноту до звенящей боли в ушах — каждый шорох казался ключом к разгадке моей безопасности.

Шуршание в стенах будто становилось настойчивее, словно кто-то нарочно водил пальцами по старой штукатурке, проверяя, слышу ли я.

А далёкие шаги в лесу всё не утихали — или это ветер, раскачивая тяжёлые ветви, нарочно путал меня, пряча за гулом листвы чужие шаги.

Снова и снова я твердила себе, что это обычный старый дом, что такие места всегда живут своей жизнью: скрипят балки, гуляет сквозняк, оседает фундамент, стонут старые доски. Что все эти звуки — норма, просто дом дышит, просто он такой. Я повторяла это как заклинание, цепляясь за привычные объяснения, почти заставляя себя поверить. Почти. Но где-то внутри, в самой глубине, холодок не исчезал — он только становился острее, напоминая, что я здесь не одна.

Утром меня разбудил не привычный шум, не птичий гомон, а резкий, глухой стук по стеклу. Я резко распахнула глаза. На подоконнике лежала записка, сложенная вчетверо. Пальцы дрожали, когда я её разворачивала. Внутри было всего несколько слов: «Не ищи. Или найдут тебя. К.».

Сердце провалилось куда-то вниз, а потом заколотилось где-то в горле, гулко и тяжело. Я выскочила на улицу, озираясь, вглядываясь в каждую тень, в каждый куст, будто надеялась выхватить взглядом того, кто стоял здесь ночью. Вокруг было пусто. Только на влажной земле темнели крупные, отчётливые следы — будто человек простоял тут всю ночь, не сводя глаз с моего окна.

Вернувшись в дом, я опустилась на кровать. В голове стояла звенящая пустота, а внутри всё сжималось от страха — мир вдруг стал слишком огромным, слишком чужим и слишком тихим.

Я снова достала чёрный блокнот. На этот раз писала медленно, старательно выводя каждую букву, будто сама чёткость строк могла придать мне уверенности: «День третий. Записка. “К.” — это Кирилл. Я уверена. Он знает, что я что-то ищу. Знает, что я нашла. Это предупреждение… или угроза. Не знаю. Но я не остановлюсь. Если сейчас отступлю, то никогда не узнаю, что здесь происходит. А я должна узнать. Чувствую: это не просто старый дом. За этим стоит что-то большее. И оно уже смотрит на меня».

Закрыв блокнот, я подошла к окну. Напротив, тёмная и неподвижная, высилась усадьба. Раньше она казалась просто заброшенной — печальной, покинутой, но безобидной. Теперь я знала: она не пустая. В ней кто-то был. И этот кто-то знал, что я здесь.

Сделав глубокий вдох, я тихо, но твёрдо сказала себе:

— У тебя получится. Ты столько всего уже прошла, не сдашься и сейчас.

В этот раз слова прозвучали не как привычная мантра, а как обещание, которое я давала самой себе. И я постаралась поверить в него хотя бы наполовину.

Вечером я вышла прогуляться — просто чтобы проветрить голову, чтобы стряхнуть с себя липкое ощущение, будто за мной кто-то следит. Лес начинался почти сразу за участком, и тропинка уводила вглубь, туда, где деревья смыкались над головой, а свет едва пробивался сквозь листву.

Тишина там была особенная — не спокойная, а напряжённая, будто лес затаил дыхание и ждал. Я шла, чувствуя, как с каждым шагом воздух становится плотнее, тяжелее.

У старой тропы я остановилась у камня — он был покрыт мхом, потемневший от времени, но символ на нём читался чётко: круг с тремя пересекающимися линиями. Тот самый, как на воротах усадьбы, что и на папиных чертежах.

Дрожащими пальцами я достала телефон и сделала несколько фото, стараясь поймать свет так, чтобы линии были видны. Потом вытащила блокнот и быстро, пока не забыла, зарисовала символ — неровными, торопливыми штрихами.

В тот миг шаги прозвучали так отчётливо, будто кто-то шёл прямо за моей спиной — ровные, тяжёлые, совсем не похожие на хруст сухих веток. Я резко обернулась, вглядываясь в плотную стену деревьев, но вокруг не было ни души. Только стволы, неподвижные и безмолвные, будто нарочно притворялись, что ничего не слышали.

— Эй? — мой голос сорвался, прозвучав неестественно громко в этой густой, почти осязаемой тишине. — Есть тут кто?

Ответом была тишина — тяжёлая, глухая, словно лес специально затянул всё плотным покрывалом, чтобы скрыть любой лишний звук. Я постояла ещё минуту, напряжённо вслушиваясь, ловя каждый шорох, а потом пошла обратно. Не бегом — я изо всех сил старалась не поддаваться панике, — но быстро, почти на грани шага и бега, будто если замедлюсь хоть на секунду, лес решит, что я сдалась.

Дома я сразу схватила чёрный блокнот и вывела дрожащими буквами:

«День четвертый. Я нашла камень с тем же символом, что на воротах усадьбы и на папиных чертежах. Это не совпадение. Я уверена. Ещё я слышала шаги — чёткие, человеческие. Но никого не увидела. Мне страшно. Но папе не скажу. Он и так на взводе из-за переезда, ему сейчас точно не нужны мои страхи — или то, что он сочтёт за разыгравшееся воображение».

Закрыв блокнот, я легла и натянула одеяло до самого подбородка, будто оно могло стать хоть какой-то преградой между мной и этой ночью. Время тянулось невыносимо медленно. Я ловила каждый звук, и каждый из них казался зловещим: будто кто-то водит ногтем по штукатурке внутри стены; в подвале что-то скребётся, настойчиво, будто пытается процарапать себе путь наверх. В лесу снова кто-то ходит — не спеша, размеренно, будто специально даёт мне услышать эти шаги и понять, что он знает: я всё слышу. А потом в самой усадьбе тихо щёлкнула дверь — будто её чуть приоткрыли и замерли, прислушиваясь, затаив дыхание.

Я снова и снова повторяла себе, что это старый дом. Что старые дома всегда звучат: скрипят балки, гуляет ветер, оседает фундамент. Что это нормально. Произносила эти слова как заклинание, цепляясь за них, почти заставляя себя поверить. Почти.

Утром меня разбудил не будильник и не птичий гомон, а странный глухой стук по стеклу. Сердце подпрыгнуло к горлу, я резко села, вглядываясь в окно. На подоконнике лежала записка, сложенная вчетверо.

Дрожащими пальцами я развернула её. Внутри было всего несколько слов: «Не ищи. Или найдут тебя. К.».

Я выскочила на улицу, озираясь по сторонам, вглядываясь в каждый куст, в каждую тень, будто надеялась выхватить взглядом того, кто стоял здесь всю ночь. Вокруг было пусто. Только на влажной земле темнели крупные, отчётливые следы — будто человек простоял тут долго, не сводя глаз с моего окна.

Вернувшись в дом, я опустилась на кровать. В голове стояла звенящая пустота, а внутри всё сжималось от страха — мир вдруг стал слишком огромным, слишком чужим и слишком тихим, будто я осталась единственной, кто ещё слышит и чувствует.

Я достала чёрный блокнот и медленно, старательно выводя каждую букву, записала:

Сделав глубокий вдох, я тихо, но твёрдо сказала себе:

— Ты справишься. Ты столько всего уже прошла. Ты не сдашься сейчас.

И в этот раз я постаралась поверить в эти слова хотя бы наполовину. Этого должно было хватить.

Глава 2. Первый день

Школа в Вороновом Перевале была старая. Не «старая» в смысле «построена в прошлом веке и недавно отремонтирована», а старая по-настоящему: скрипучие половицы, высокие потолки с лепниной, окна с деревянными рамами, которые, наверное, помнили ещё царя. На фасаде — облупившаяся краска, у входа — две каменные тумбы, между которыми когда-то, видимо, была цепь. Цепи не было. Тумбы стояли, как два пенька.

— Впечатляет? — спросила Лика.

— Впечатляет, — сказала я. — В смысле, я впечатлена, что здесь ещё учатся.

— Учатся. Как-то. — Она пожала плечами. — У нас одиннадцать классов, но в некоторых по три человека. В нашем — восемь. Теперь девять.

— Считаешь меня?

— Конечно. Ты же теперь наша.

Она сказала это просто, без нажима, но я всё равно почувствовала что-то странное. Не неприятное. Скорее — как будто меня взвесили и признали подходящей. Как будто я прошла какой-то тест, о котором не знала.

Мы вошли внутрь. В коридоре пахло мелом, пылью и старыми книгами. На стенах — стенды с фотографиями выпускников. Я посмотрела на лица: чёрно-белые, выцветшие, некоторые совсем старые, с уголками, загнутыми от времени. Люди на них улыбались. Или делали вид, что улыбаются.

— Это всё выпускники? — спросила я.

— Ага. За много лет. — Лика проследила за моим взглядом. — Тут есть даже те, кто до революции учился. Ну, в смысле, их фото. Школа-то старая.

— А почему некоторых нет?

— В смысле?

— Ну, вот тут год, тут год. А между ними пропуски.

Лика скользнула взглядом по стенду, потом перевела его на меня, потом снова уставилась на стенд — будто надеялась, что там появится подсказка.

— Не знаю, — проговорила она. — Не замечала.

Но я заметила, как она напряглась: плечи чуть приподнялись, а пальцы до побелевших костяшек сжали лямку рюкзака. Она всё видела. Просто не хотела об этом говорить.

Мы поднялись на второй этаж. Мимо кабинетов литературы, математики, истории. У двери последнего Лика замерла.

— Тут Виктор Петрович, — сказала она. — Учитель истории. Он… нормальный.

— Ты говоришь это так, будто «нормальный» — это уже достижение.

Лика чуть поморщилась, будто сама услышала, как странно прозвучали её слова.

— Я говорю это так, будто он странный, но не опасный. — Она помолчала, подбирая слова. — Наверное.

— «Наверное»? — я приподняла бровь.

— Арина, тут все странные. Я же говорила. — Она выдавила улыбку, стараясь развеять неловкость. — Не парься. Просто будь собой. И… не задавай слишком много вопросов.

— А если я всё-таки задам?

— Тогда задавай их мне. Не ему.

Она толкнула дверь, и мы вошли.

Кабинет истории оказался просторным, с высокими окнами, через которые лился тусклый свет. Стены были увешаны старыми картами — пожелтевшими, с надписями на дореформенной орфографии, будто они принадлежали другому времени. На учительском столе гро-

моздилась стопка тетрадей, рядом стоял глобус и… настоящая чернильница. Я даже на секунду замерла: не думала, что такие ещё где-то используют.

Виктор Петрович стоял у окна — высокий, худощавый, с седыми волосами и в очках с толстой оправой. На вид ему было лет пятьдесят, а может, и больше. Когда мы вошли, он обернулся — не сразу, а медленно, словно ему требовалось несколько лишних мгновений, чтобы вернуться из каких-то своих далёких мыслей в эту комнату.

— А, Лика, — произнёс он. — И… новенькая?

— Арина Волкова, — ответила я. — Я переехала сюда.

— Знаю. Мне сказали. — Он смотрел на меня долго, слишком долго. Не так, как обычно смотрят на новенькую — с лёгким любопытством или с дежурной доброжелательностью. В его взгляде было что-то другое: будто он пытался сопоставить моё лицо с какой-то старой фотографией или вспомнить строчку из давно прочитанного письма.

— Волкова Арина. Хорошо.

Он произнёс это не как одобрение. Скорее как констатацию факта, от которой становилось только тревожнее — будто «хорошо» здесь означало «всё идёт не так, как должно, но я пока не буду об этом говорить».

— Садись, — сказал он наконец. — Вон там свободное место у окна.

Я опустилась на стул, Лика села следом. Урок начался, и Виктор Петрович тут же погрузил класс в историю города — рассказывал не по учебнику, а так, будто сам ходил по этим улицам сто лет назад: про основание, про род Воронцовых, про то, как здесь жили люди. Его голос звучал ровно, уверенно, и слушать было интересно — но я почти не вникала в слова. Всё время я ловила себя на том, что вместо рассказа смотрю на учителя и пытаюсь разгадать, почему он так пристально на меня смотрел. Что он пытался во мне увидеть?

В какой-то момент он обратился ко всему классу с вопросом — что-то про старые карты. Я пропустила начало и теперь не знала, что ответить. Но стоило ему перевести взгляд на меня, как внутри всё сжалось: будто он ждал именно моего слова, будто мой ответ был важнее всех остальных.

— Арина, — произнёс он спокойно, но в этом спокойствии чувствовалось напряжение. — Как ты думаешь, почему старые карты иногда оказываются точнее новых?

Я моргнула, пытаясь собраться с мыслями.

— Не знаю… Может, потому что старые картографы больше времени проводили на местности?

Он чуть улыбнулся — впервые за весь урок, и улыбка эта была не широкой, а сдержанной, почти незаметной.

— Возможно. А ещё потому, что они отмечали то, что современные картографы считают неважным. — Он повернулся к доске и провёл мелом по краю карты. — Старые карты не врут. Они просто не всё показывают.

Я быстро записала эту фразу в блокнот — не потому, что она могла пригодиться на контрольной, а потому, что в ней было что-то большее, чем урок истории. Она звучала как предупреждение, как намёк на что-то скрытое. Слишком странно для обычного учителя.

После урока Лика потащила меня на короткую экскурсию по школе: столовая, спортзал, библиотека. Библиотека оказалась маленькой, но уютной: стеллажи уходили под самый потолок, воздух пах старой бумагой и пылью, и в этом запахе было что-то успокаивающее.

— Тут Игорь Семёнович, — сказала Лика, понизив голос, будто в библиотеке даже шёпот мог кого-то разбудить. — Библиотекарь. Он… тоже странный.

— Ты про всех так говоришь.

— Потому что тут все немного странные, — она пожала плечами. — Но он безобидный. Просто не любит, когда его дёргают. Особенно не любит вопросов про историю города.

— Почему?

— Не знаю. Говорят, он что-то знает, но не говорит.

Я скользнула взглядом по корешкам книг: «История Воронцова Перевала», «Хроники уезда», «Предания и легенды». И тут взгляд зацепился за одну книгу — тонкую, в тёмном кожаном переплёте, без названия на корешке. Она будто пряталась между остальными.

— А это что? — спросила я, кивнув в её сторону.

Лика проследила за моим взглядом и чуть нахмурилась, будто пожалела, что я вообще на неё посмотрела.

— Не знаю. Какая-то старая. Игорь Семёнович никому её не даёт.

— Почему?

— Говорит, хрупкая. — Она помолчала, а потом добавила тише: — Или что-то вроде того.

Я хотела спросить ещё, но в этот момент резко прозвенел звонок. Лика схватила меня за руку.

— Пойдём, у нас математика. Скучно, но пропускать нельзя.

Я пошла за ней, но не удержалась и обернулась. Игорь Семёнович стоял в дверях библиотеки и смотрел прямо на меня. В его взгляде не было злости или раздражения — скорее что-то похожее на тревогу. Или предупреждение. Я не смогла разобрать, но от этого взгляда по спине пробежал холодок.

Отвернувшись, я поспешила за Ликой.

На большой перемене мы устроились в столовой. Лика жевала булку и без умолку рассказывала про учителей — кто строгий, кто справедливый, кто просто «со своими тараканами». Я слушала вполуха, рассеянно кивала, а сама смотрела в окно.

За стеклом был школьный двор: старая яблоня с кривыми ветвями, скамейки, несколько ребят, лениво перебрасывавшихся словами. И вдруг я заметила их — сразу, будто они были нарисованы другим цветом на этом сером фоне. Марк и Кирилл стояли у забора и смотрели в сторону школы. Или не на школу, или даже на меня. Их позы были спокойными, почти расслабленными, но от этого становилось только страшнее — будто они никуда не торопились, потому что знали: я никуда не денусь.

— Лика, — сказала я. — Они часто тут?

— Кто?

— Братья.

Лика посмотрела в окно. Нахмурилась.

— Да не особо. Они вообще не местные. Вроде учатся в какой-то другой школе… или вообще не учатся. — Лика откусила кусочек булки и пожала плечами, будто сама не верила в то, что говорит. — Странно, что они тут ошиваются.

Я не сводила с них глаз. Кирилл поймал мой взгляд и растянул губы в той самой ухмылке — лёгкой, но отчего-то пугающей. Марк лишь коротко кивнул — вежливо, спокойно, будто мы каждый день встречались у школьного забора.

— Они на меня смотрят, — прошептала я, будто если скажу тише, то всё окажется просто игрой воображения.

— Ну да. Ты новенькая. Все на тебя пялятся, — спокойно ответила Лика. Потом чуть наклонила голову, словно прислушиваясь к собственным словам, и добавила: — Хотя… да, они смотрят как-то иначе. Не как все. Согласна.

Я отвернулась, но ощущение не пропало. Оно цеплялось за плечи, будто невидимая метка: меня заметили, меня выделили, я теперь часть чего-то, о чём ничего не знаю.

После уроков Лика засобиралась домой, а я задержалась. Официально — чтобы вернуть книгу, которую брала утром. Но если честно, мне просто хотелось снова зайти в библиотеку. Туда, где пахнет старой бумагой и где всё будто застыло вне времени.

Игорь Семёнович сидел за своим столом и что-то выводил в толстой тетради — аккуратно, старательно, будто каждое слово имело вес. Когда я вошла, он вскинул голову так резко, будто звук двери ударил его по нервам.

— Арина, — произнёс он, и в голосе прозвучало не удивление, а скорее настороженность. — Ты что-то забыла?

— Нет… — Я запнулась, подбирая слова, которые не выдали бы, как сильно я волнуюсь. — Просто хотела спросить про одну книгу.

— Какую ещё книгу?

— Ту в тёмном кожаном переплёте. Без названия на корешке.

Он замер. Даже рука с ручкой застыла в воздухе, будто время для него на секунду остановилось.

— Зачем она тебе?

— Просто интересно. Я люблю историю.

Он усмехнулся — не весело, а так, словно ему вдруг стало горько от моих слов.

— Историю… — протянул он. — Знаешь, история — это не всегда то, что стоит знать. Иногда она цепляется за тебя и уже не отпускает.

— А что тогда стоит знать?

Он посмотрел на меня долго, будто решал, можно ли доверить мне хоть крупицу правды. Потом вздохнул, будто сдался перед неизбежным.

— Садись, — кивнул он на стул напротив. — Расскажу кое-что. Только не проси потом объяснить то, чего я не смогу.

Я села. Он достал ту самую книгу — ту, что пряталась между остальными, будто стыдилась собственного существования. Осторожно, почти благоговейно открыл её на первой странице. Там был символ: круг с тремя пересекающимися линиями. Чёткий, выверенный, будто его вырезали не чернилами, а самой тишиной.

— Ты видела этот знак? — спросил он тихо.

— Видела, — ответила я, не отводя глаз. — На камне в лесу. И на воротах усадьбы.

Он кивнул, будто это было именно то, чего он и боялся.

— Это печать. Её ставили на вещах, дверях, камнях — везде, где нужно было удержать что-то внутри или не пустить кого-то снаружи. Чтобы никто не вошёл. Или чтобы никто не вышел.

— Что это значит?

— Это значит, что есть места, куда лучше не соваться. И вещи, к которым лучше не прикасаться. — Он закрыл книгу, но не убрал её, а оставил лежать между нами, как барьер. — Ты ведь во флигеле живёшь? В усадьбе?

— Да. Во флигеле.

— Хорошо. Флигель — это ещё не сердце дома. Держись подальше от главного здания.

— Папа говорит, туда нельзя, пока документация не готова.

— Твой папа прав. Но не только из-за бумаг. — Игорь Семёнович посмотрел мне прямо в глаза, и в этом взгляде не было ни жалости, ни желания меня успокоить. Только твёрдое, холодное знание. — Там что-то есть, Арина. Что-то, что не любит гостей. И не прощает любопытства.

Я хотела спросить «что именно?», но слова застряли в горле. Что-то в его лице подсказывало: если я услышу ответ, то уже не смогу притворяться, что ничего не происходит. Что я просто накрутила себя.

— Спасибо, — тихо сказала я. — За предупреждение.

— Не благодари. Просто будь осторожна. — Он помолчал, будто подбирал слова, которые не прозвучат как угроза или пустое напутствие. — И если увидишь что-то странное… приходи. Я выслушаю. Даже если никто другой не поверит.

Я кивнула и вышла. Коридор был пуст, но тишина казалась густой, почти осязаемой. Я шла к выходу, чувствуя спиной чей-то взгляд — холодный, внимательный, будто кто-то стоял в тени и следил, как я ухожу.

«Что здесь происходит?» — снова и снова крутилось в голове. «Почему все что-то знают, но молчат? Почему каждый говорит ровно столько, чтобы напугать, но не объяснить?»

Ответа не было. Только тишина. И это чувство, от которого хотелось обернуться, но я не оборачивалась — будто если посмотрю назад, то увижу что-то такое, после чего уже нельзя будет притворяться, что я просто новенькая в маленьком городе.

Домой я вернулась к вечеру. Отец был в подвале — разбирал старые коробки. Я спустилась к нему.

— Как школа? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нормально. Странно.

— Странно — это нормально. — Он засмеялся. — Я тоже странно себя чувствую. Этот дом... он как будто дышит.

Я посмотрела на него. Он стоял среди коробок, с фонариком в руке, и улыбался. Но улыбка была напряжённой.

— Пап, — сказала я. — Ты не находишь здесь ничего... странного?

— В смысле?

— Ну, не знаю. Символы. Двери. Что-нибудь.

Он посмотрел на меня. Потом на стену. На ней был тот же символ — выцарапанный, едва заметный.

— Нахожу, — сказал он. — Но это же старый дом. Тут всякое может быть.

— А если это не просто «всякое»?

Он помолчал.

— Арина, — сказал он наконец. — Я знаю, что тебе тяжело. Переезд, новая школа, всё это. Но не надо искать проблемы там, где их нет.

— А если они есть?

Он не ответил. Просто вернулся к коробкам.

Я поднялась наверх. В комнате села на кровать и достала чёрный блокнот.

«День пятый. Первый день в школе. Учитель истории смотрит на меня так, будто знает что-то. Библиотекарь предупредил про усадьбу. Братья стояли у забора и смотрели. Я не знаю, что происходит. Но я знаю, что это не просто старый город. Это что-то большее. И я собираюсь это выяснить».

Я закрыла блокнот. За окном темнело. Усадьба стояла напротив — тёмная, молчаливая. Но в одном из окон второго этажа горел свет.

Я смотрела на него долго. Потом свет погас. Как будто кто-то заметил, что я смотрю.

Я отвернулась, и внезапно странное чувство накрыло меня целиком — я больше не была одна. Не в том смысле, что рядом кто-то стоял, шептал, держал за руку. Одиночество растаяло потому, что где-то там, в глубине усадьбы, кто-то был. И он знал, что я здесь. Чувствовал моё присутствие, следил, ждал — я не могла объяснить, откуда взялась эта уверенность, но она сидела внутри, твёрдая и холодная, как камень.

Я не знала, стоит ли этого бояться или, наоборот, в этом есть какая-то странная опора. Не знала, добрый это взгляд или враждебный, проверяющий или оценивающий. Но одно я понимала чётко: я не остановлюсь. Ни из-за страха, ни из-за чужих предупреждений, ни из-за того, как тихо становится в доме по ночам. Если я сейчас отступлю, тайна останется там, за стенами усадьбы, и будет смотреть на меня из темноты годами. А я хотела заглянуть ей в глаза — хотя бы раз.

Ночь накрыла дом плотной, тяжёлой тишиной — и вдруг её разорвал звук. Не привычный скрип старых балок, не шуршание ветра в щелях, а что-то совсем иное. Будто кто-то напевал

мелодию, едва слышно, почти без слов, так тихо, что, если бы я моргнула, могла бы решить, что мне почудилось.

Я встала и подошла к окну, вглядываясь в темноту. Улица была пуста. Ни прохожих, ни случайных теней — только усадьба напротив: тёмная, застывшая, будто неживая. И вдруг — свет в окне на втором этаже. Тот самый, который я уже видела раньше. Он не горел ровно, а мерцал: раз, другой, третий. Ритмично, нарочно. Как будто кто-то стоял там и подавал сигнал. Или, наоборот, пытался меня предупредить.

Я отступила от окна и опустилась на кровать, чувствуя, как сердце колотится где-то у самого горла. Ладони стали холодными, пальцы слегка дрожали.

«Просто старая проводка, — прошептала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо, будто одно только правильное объяснение могло удержать ночь на расстоянии. — В таких домах всё время что-то мигает. Ветер дёргает провода. Или лампа доживает последние дни. Это ничего не значит».

Слова ложились друг за другом, ровные и логичные, но не могли прогнать тот колючий холодок, что свернулся где-то под рёбрами. Я цеплялась за них, как за перила в темноте: если крепко держаться, не сорвёшься. И почти верила. Почти. Но в глубине души знала: этот свет мигал не просто так.

Глава 3. Тот, кто знает больше

Утром я нашла вторую записку.

Первую — ту, что была подписана «К.» — я хранила в ящике стола, спрятав между страницами старого блокнота, словно это был не клочок бумаги, а что-то опасное, что нельзя ни выбросить, ни оставить на виду. «Не ищи. Или найдут тебя». Я перечитывала эти слова каждый вечер, будто надеялась, что при новом прочтении они утратят свою угрозу, станут просто буквами, не имеющими ко мне отношения. Но они не менялись. Они смотрели на меня с бумаги, холодные и точные, как остриё.

Вторая записка лежала на подоконнике, прижатая камешком. Её явно подсунули ночью, пока я спала. Бумага была плотной, серой, с неровными, будто рваными краями — словно её вырвали из старой книги. Почерк — резкий, угловатый, с сильным нажимом, будто автор вдавливал перо в лист, стараясь, чтобы смысл проник глубже.

«Свет в окне — не твой. Не смотри.

К.»

А ниже — символ. Круг с тремя пересекающимися линиями. Нарисованный от руки, но с пугающей точностью. Я узнала бы его где угодно. Тот же, что выжжен на камне в лесу. Тот же, что чернеет на воротах усадьбы. Тот же, что мелькал на полях папиных чертежей.

Я опустилась на кровать и минуту просто смотрела на записку. В голове было странно пусто и одновременно слишком шумно — будто мысли натыкались друг на друга и не могли выстроиться в ряд. Я думала о свете в окне, о том, как он мигнул три раза, а потом погас, стоило мне отвернуться.

«Не твой», — говорила записка. То есть — чей-то. То есть — там кто-то был. И этот кто-то знал, что я смотрю.

Я схватила телефон. Сети по-прежнему не было. Я набрала папу — не чтобы рассказать всё, а просто чтобы услышать его голос, обычный, земной, который мог бы вернуть меня в реальность. Он не ответил. Связи же не было. Скорее всего, уже был в подвале, отключил звук и копался в коробках, полностью погружённый в свои чертежи и планы реставрации.

Записку я спрятала во второй блокнот — между страницами, где у меня был записан придуманный шифр. Потом быстро оделась и вышла.

Отец был в подвале. Его напевание я услышала ещё с лестницы — оно звучало как единственная живая, тёплая нота в этом доме, полном теней.

— Доброе утро, — сказала я, спускаясь.

— Арина! — он обернулся. Лицо было перепачкано пылью, на щеке — тёмная полоса. — Ты только посмотри, что я нашёл!

Он стоял перед той самой заложенной кирпичом дверью. Вчера она была просто стеной с едва заметным узором. Сегодня кирпичи были наполовину разобраны, и в проёме чернела пустота, будто дом приоткрыл один глаз и теперь смотрел на меня.

— Ты её разобрал? — спросила я. Голос прозвучал резче, чем я хотела.

— Ну а что? — он пожал плечами. — Это же часть реставрации. Я вчера весь вечер сверялся с чертежами. Здесь должен быть проход. Понимаешь? Настоящий проход! Может, там что-то интересное: старые вещи, документы… Может, даже…

— Пап.

— Что?

— Ты видел, что на кирпичах?

Он перевёл взгляд на стену, потом снова на меня.

— Символ какой-то. Ну и что? В старых домах полно символов. Это… оберег, наверное. Крестьяне верили во всякое.

— Это не оберег.

Папа вздохнул, и в этом вздохе прозвучало привычное: «Опять ты со своими страхами».

— Арина, хватит уже. Ты с первого дня тут видишь то, чего нет.

— Я вижу то, что есть, — ответила я твёрже. — Просто ты не смотришь.

Он помолчал, отряхнул руки, и на секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на сомнение.

— Ладно. Давай так. Я не буду ломать дальше, пока не посмотрю документацию. Хорошо? Я только чуть-чуть расчистил. Просто посмотрю, что там, и всё.

— Не надо туда лезть.

— Арина.

— Пап, серьёзно. Не надо.

Он посмотрел на меня долго, и в его глазах боролись «ты преувеличиваешь» и «а вдруг и правда не надо».

— Хорошо, — сказал он наконец. — Сегодня не полезу. Завтра посмотрим.

Я кивнула, но легче не стало. «Завтра» — это не «никогда». Это просто отсрочка.

В школу я шла одна. Лика должна была встретить меня у ворот, но я вышла раньше, чтобы пройтись и разложить мысли по полочкам. Тропинка от усадьбы вела через лес, и я знала, что за поворотом стоит тот самый камень. Я говорила себе, что просто иду в школу, но ноги сами свернули с тропинки.

Камень был на месте — мох, серые бока, выжженный символ. Я подошла ближе и только тогда заметила следы вокруг. Не мои: мои были маленькими, аккуратными, от кроссовок. Эти — большие, глубокие, будто кто-то стоял здесь долго, вглядываясь в знак, или ждал. Земля вокруг ещё не успела затвердеть — следы были свежими. Кто-то был здесь ночью. Или совсем недавно.

Я присела, чтобы рассмотреть их получше, и в ту же секунду услышала:

— Ты рано.

Сердце ухнуло куда-то вниз. Я подскочила.

Кирилл стоял в трёх шагах от меня. Я не слышала ни шагов, ни треска веток, вообще ничего. Только что лес был пустым, и вот — он.

— Ты меня напугал, — выдохнула я.

— Я заметил, — он не улыбнулся. Стоял, сунув руки в карманы куртки, и смотрел на меня так, будто я была задачей, которую он не хотел решать. — Ты получила записку.

— Получила. Две.

— Две? — он нахмурился. — Я оставил одну.

— Первую. «Не ищи». Это тоже был ты?

Он помолчал.

— Да.

— Зачем?

— Затем, что ты лезешь не в своё дело. — Он шагнул ближе. — Я серьёзно, Арина. Это не твоя игра. И если ты продолжишь, то…

— То что? — я не отступила. Сама не знаю почему. Может, потому что устала бояться. — Меня «найдут»? Ты это хотел сказать?

Он посмотрел на меня, и вблизи его глаза казались странными: тёмными, но с медным отливом, будто в них что-то тлело.

— Ты не понимаешь, — тихо сказал он. — Ты думаешь, это как в книжках: приехала, нашла загадку, разгадала. А здесь всё иначе.

— Тогда объясни.

— Не могу.

— Не можешь или не хочешь?

— И то, и другое.

Я шагнула к камню и коснулась символа.

— Этот знак. Что он значит?

Кирилл дёрнулся резко, будто я схватилась за что-то горячее.

— Не трогай.

— Почему?

— Потому что он не для того, чтобы его трогали.

Я убрала руку, но не отступила.

— Я видела его на воротах усадьбы. И на стене в подвале. И на папиных чертежах. Это не совпадение.

Кирилл молчал, смотрел на меня, потом тяжело вздохнул, будто сдавался.

— Нет, — сказал он. — Не совпадение.

— Тогда что это?

Он оглянулся, посмотрел по сторонам, вверх, будто проверял, не слушает ли кто-то.

— Печать, — произнёс он. — Её ставят на двери, на камни, на всё, что нужно закрыть.

— Закрыть от чего?

— От того, что с другой стороны.

Я ждала, что он усмехнётся, скажет «шутка» и уйдёт. Он не усмехнулся.

— Ты говоришь загадками, — сказала я. — Это раздражает.

— А ты задаёшь вопросы, на которые нет простых ответов. Это опасно.

— Опасно для кого?

— Для тебя. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Для твоего отца. Ради всех, кто здесь живёт.

Лес вокруг будто замер. Даже птицы перестали петь.

— Вчера в школе, — сказала я. — Вы с Марком стояли у забора. Вы смотрели на меня.

— Да.

— Зачем?

— Проверял.

— Что проверял?

— Не то, что ты думаешь. — Он криво усмехнулся. — Я проверял, не ошибся ли я.

— И?

— И я не ошибся. — Он отвёл взгляд. — Ты — та, за кем я думал.

— Кто «та»?

— Не сейчас.

— Кирилл.

— Не сейчас, — повторил он резче. — Сначала ты должна кое-что понять.

— Что?

Он помолчал, а потом произнёс медленно, будто каждое слово давалось ему с трудом:

— Тут не просто пропадают люди, их забирают.

Эти слова я уже слышала в первый вечер. Тогда они были просто фразой, от которой становилось не по себе. Теперь за ними стояло что-то реальное. Что-то, что он знал.

— Кто забирает?

— Те, кто может.

— Это не ответ.

— Это единственный ответ, который я могу тебе дать. Пока.

Я хотела спросить ещё, но он вдруг резко поднял голову, будто почуял опасность.

— Иди в школу, — сказал он. — И не говори Марку, что мы встречались.

— Почему?

— Потому что он будет против.

— Против чего?

— Того, что я тебе говорю. — Он уже отходил. — И ещё, Арина.

— Что?

— Не смотри в окна усадьбы никогда.

Потом он исчез. Не ушёл — именно исчез. Я моргнула, и его уже не было. Только ветка качнулась там, где он стоял.

Я осталась одна. Сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди, пробиться сквозь рёбра и унестись прочь — туда, где нет ни символов, ни записок, ни чужих следов.

Я смотрела на камень, на глубокие вмятины в земле, на тёмную чащу, которая теперь казалась не просто лесом, а чем-то живым, внимательно следящим за каждым моим движением. И вдруг поняла: я только что переступила невидимую черту — ту самую, о которой не предупреждают, которую не видно ни на картах, ни на планах, ни даже в самых страшных снах.

Это была не просто тропинка в лесу. Это был порог. И, шагнув через него, я сама дала согласие войти в чужую, опасную историю — историю, где правила мне не известны, а цена ошибки может оказаться слишком высокой. Назад уже не вернуться: даже если я сейчас развернусь и побегу, след мой останется. И кто-то обязательно его заметит.

В школу я опоздала. Лика ждала у ворот, нервно поглядывая по сторонам.

— Ты где была? — спросила она. — Я тебе звонила.

— Телефон не ловит.

— А, ну да, — она махнула рукой. — Забыла. Тут вообще глухо.

Мы пошли в класс. Я села за парту и пыталась слушать, но в голове крутилось только одно: «Тут не просто пропадают. Тут забирают».

На перемене я поймала Лику в коридоре.

— Лика. Антон, это тот парень, который пропал. Что ты о нём знаешь?

Она замерла.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что мне нужно знать.

Она оглянулась, потом оттащила меня к окну, подальше от чужих ушей.

— Он был самым обычным, — проговорила Лика тихо, будто боялась, что, если скажет громче, слова станут слишком реальными и обретут над ней власть. — Учился, гулял, на кого-то вздыхал, как все. Ничего такого, из-за чего можно было бы запомнить. А потом… — она запнулась, словно ей вдруг стало тяжело выталкивать слова наружу. — Потом он нашёл эту штуку.

— Перстень? — уточнила я, хотя уже знала ответ.

— Да. В одном из старых домов. Он тогда ходил туда с ребятами, лазил по заброшкам. И вдруг появился с этим перстнем. Хвастался, улыбался, будто ему теперь весь мир открыт. «Теперь мне открыты все двери», — так он говорил. Звучало как шутка, но в глазах у него было что-то другое. Не радость. Какое-то лихорадочное предвкушение.

— И что было дальше?

— Дальше он стал меняться. Сначала понемногу: то забудет, где оставил рюкзак, то смотрит сквозь тебя, будто видит что-то позади. А потом начал говорить странные вещи. Про шёпот в пустых комнатах. Про шаги за спиной, когда он один. Про то, что кто-то зовёт его по имени, но не голосом, а… как будто внутри головы. — Лика поёжилась, обхватив себя руками, будто внезапно стало холодно. — А потом он исчез.

— Полиция что сказала?

— Что сбежал. Мол, у него были проблемы с родителями — обычные подростковые ссоры, ничего особенного. Версия простая, удобная. — Она подняла на меня глаза, и в них не было ни капли сомнения. — Но я не верю.

— Не веришь во что?

— В то, что он сбежал. Антон не из тех, кто бежит. Он боялся даже за пределы города выезжать. Говорил, что там, за окраиной, — «пустота». Тогда я думала, он просто так выражается, преувеличивает. А теперь… — она снова замолчала, подбирая слова, которые не прозвучали бы как бред.

— А теперь? — я подтолкнула её, потому что тишина между нами становилась тяжелее.

— Теперь я думаю, что он не ушёл сам. Думаю, его увели. Не потому что он плохой или что-то натворил. Просто он коснулся того, чего трогать нельзя, и теперь это его не отпустило.

Я смотрела на неё и понимала: она не сочиняет, не нагнетает. Она просто наконец назвала вещи своими именами — и от этого стало ещё страшнее. Потому что если Лика, которая всё всегда сводила к шутке, теперь говорит «его увели», значит, в этом городе действительно происходит что-то, для чего у нас нет ни названий, ни объяснений.

Я смотрела на неё. Впервые она говорила без иронии, без попытки всё свести к шутке. Она говорила серьёзно. И боялась.

— Лика, — спросила я, — а ты знаешь что-нибудь про братьев?

Она вздохнула.

— Только то, что они появились примерно тогда же, когда всё началось. Ну, когда Антон стал странным.

— И ты думаешь…

— Я ничего не думаю, — перебила она. — Просто замечаю. А выводы делать не хочу. Потому что если я начну их делать, мне придётся с ними жить.

После школы я пошла домой. У ворот усадьбы стоял Марк.

Я увидела его издалека: он стоял спокойно, руки в карманах, и смотрел на дом так, будто читал его, как книгу. Когда я подошла, он обернулся.

— Арина.

— Марк.

— Ты сегодня виделась с Кириллом.

Это был не вопрос. Я остановилась.

— С чего ты взял?

— Он вернулся… — Марк ненадолго замолчал, осторожно подбирая слово, будто боялся, что любое из них прозвучит неправильно. — Взвинченный. Таким он бывает только после разговоров, которые ему вести не положено.

— Может, он просто не любит утро, — попыталась я свести всё к чему-то обычному, бытовому.

Марк улыбнулся — вежливо, ровно, но в этой улыбке не было ни тепла, ни веселья. Она была как маска, которую надевают, чтобы не показывать, что на душе.

— Он тебе что-то сказал, — не спрашивал, а утверждал он.

— Может быть, — я пожала плечами, стараясь выглядеть равнодушной.

— Что именно?

Я посмотрела на него. Он стоял спокойно, руки в карманах, взгляд внимательный, цепкий. Кирилл был резким, грубым, но по крайней мере он не прятал своих эмоций. Марк же прятал — и делал это так умело, что, если не знать, можно было бы подумать, что ему всё равно.

— Почему ты спрашиваешь?

— Потому что я за него отвечаю, — сказал он просто, без пафоса, как о чём-то само собой разумеющемся.

— За Кирилла?

— За обоих, — повторил Марк, чуть наклонив голову, словно пытался отыскать в собственных словах нужную интонацию — такую, чтобы они не прозвучали как оправдание, не выглядели попыткой защититься. — Мы с ним разные. Настолько разные, что иногда кажется, будто нас вообще ничего не связывает. Но мы — одна семья. А в семье… — он запнулся, будто сам удивился, что заговорил в таком тоне, — в семье ты всегда знаешь: если кто-то оступился, отвечать придётся всем. Поэтому я должен знать, если он что-то натворил.

— Он не натворил ничего.

— А что он сделал?

Я помолчала, взвешивая каждое слово. Потом тихо сказала:

— Предупредил меня. Про усадьбу. Про окна.

Марк медленно кивнул, и в этом движении было не согласие, а будто подтверждение какой-то своей, давно известной ему истины.

— Хорошо. Значит, он не совсем потерял голову.

— Что это значит?

— Это значит, что он прав. — Марк перевёл взгляд на усадьбу, и на секунду его лицо стало совсем другим — не вежливым, не спокойным, а каким-то обнажённо серьёзным. — Не смотри в окна. И не ходи в дом.

— Все мне это твердят.

— Потому что это правда.

— Но никто не объясняет почему.

Он снова замолчал. В этом молчании чувствовалось не нежелание говорить, а тяжесть, с которой даётся каждое объяснение.

— Я не могу, — наконец произнёс он.

— Не можешь или не хочешь? — мой вопрос прозвучал почти как эхо утреннего разговора с Кириллом.

Марк посмотрел на меня, и в его взгляде не было насмешки или раздражения. Только усталость — глубокая, въевшаяся, как у человека, который слишком долго несёт на себе груз, который другим даже поднимать страшно.

— И то, и другое, — тихо ответил он. — Но не потому, что я тебе не доверяю. А потому, что некоторые вещи опасно знать. Особенно тебе.

— Почему мне?

Он не ответил. Просто смотрел на меня долго, внимательно, будто старался запомнить каждую черту, чтобы потом, если что, суметь меня отыскать. Потом чуть склонил голову и сказал:

— Будь осторожна, Арина.

Он развернулся и ушёл. Я осталась стоять у ворот, чувствуя, как холодный ветер пробирается под куртку. Ветки над головой шевелились, и тени на земле скользили, изгибались, двигались не так, как должны были двигаться тени от обычного ветра.

Вечером я сидела в своей комнате, уткнувшись в блокнот. Ручка скользила по бумаге, будто сама хотела рассказать то, что я боялась произнести вслух.

«День пятый день. Сегодня я говорила с Кириллом, а потом с Марком. Кирилл сказал: “Тут не просто пропадают. Тут забирают”. Сказал: “Не смотри в окна усадьбы”. Сказал: “Не говори Марку”. И ещё: “Ты — та, за кем я думал”. Я не знаю, что это значит. Но я уверена: он не врал. Он мог бы придумать что-то простое, успокоить меня. Но не стал.

Ещё я заметила: когда Кирилл подошёл, я не услышала шагов. Вообще ни звука. Как будто он просто возник из воздуха. И его глаза… они странные. В темноте в них будто тлеет слабый свет. Совсем чуть-чуть, но тлеет.

Я не знаю, кто они. Но они точно не обычные люди.

Не знаю, что здесь происходит. Но понимаю, что это началось задолго до моего приезда. И что я каким-то образом оказалась в самом центре. Почему-то.

Записка: “Свет в окне — не твой. Не смотри”. Сегодня я старалась не смотреть. Но всё равно чувствую: это окно смотрит на меня».

Я захлопнула блокнот, будто этим могла запереть внутри все свои страхи. За окном стояла густая темнота. Усадьба напротив казалась не домом, а чем-то большим — огромной, молчаливой тенью, которая поглощала любой свет, попадавший в её пределы.

В окне на втором этаже горел свет. Я отвернулась, стараясь не смотреть, но краем глаза всё равно заметила, как он мигнул. Раз. Другой. Третий. Ритмично, нарочно, будто кто-то стоял там и подавал мне знак — или предупреждение.

Я резко задёрнула штору, отрезав себя от этого света, от этого окна, от всего, что за ним пряталось. И замерла, прислушиваясь. Не к ветру, не к скрипу старого дома — а к тишине, которая вдруг стала слишком плотной, слишком внимательной.

Казалось, она ждёт, что я позову на помощь. Или, наоборот, что я наконец-то решусь сделать шаг навстречу.

Но я не сделала ни того, ни другого. Просто стояла, обнимая себя за плечи, и чувствовала, как холод пробирается сквозь кожу.

Потом я легла в кровать и накрылась одеялом с головой, как в детстве, когда казалось, что если не видеть темноты, она не сможет дотянуться до тебя. Но сейчас это не помогало. Темнота уже была внутри.

Я задёрнула штору — резко, будто пыталась отсечь не только свет, но и само присутствие того, что пряталось за ним. И вдруг застыла, прислушиваясь. Не к шорохам и не к скрипам — а к тишине, которая теперь казалась слишком густой, слишком внимательной. Я ловила каждый её оттенок: не позовёт ли кто-то? Не произнесёт ли моё имя шёпотом, который проберётся сквозь щели в раме, сквозь стены, сквозь саму ночь?

Тишина. Только ветер гудел в кронах, протяжно и монотонно, будто тянул одну бесконечную ноту. Только лес вздыхал где-то вдалеке. Только старый дом напротив будто дышал — медленно, тяжело, в такт ветру, и в этом дыхании чувствовалось что-то живое, чужое, настороженное.

Я легла в кровать и, как в детстве, натянула одеяло на голову — так, чтобы не видеть темноты, чтобы она не могла дотянуться до меня, не могла заглянуть в глаза. Но на этот раз привычный способ не сработал. Темнота не осталась снаружи: она уже была внутри, в груди, в мыслях, в каждом ударе сердца. Она не пыталась напасть — она просто ждала.

Позже, посреди ночи, я резко проснулась от ощущения, что в комнате кто-то есть. Не сон, не кошмар — а ледяная, осязаемая уверенность: кто-то стоит у самой кровати. Так близко, что, казалось, можно почувствовать чужое дыхание на своей щеке.

Я распахнула глаза. В комнате царила густая, непроглядная темнота — такая, что даже собственные руки терялись в ней. Я никого не видела. Ни силуэта, ни тени, ни намёка на движение. Но чувство не исчезало — оно только крепло, впивалось в кожу холодными пальцами. Кто-то был здесь рядом. Слишком близко.

Я лежала, не двигаясь. Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно на улице.

— Кто здесь? — прошептала я.

Ответом была густая, звенящая тишина — такая, что в ней, казалось, можно было разглядеть тени. Потом раздался лёгкий шорох, будто кто-то осторожно отступил, стараясь не выдать себя. За ним — резкий, неприятный скрип половицы у двери, точно кто-то неловко перенёс вес с одной ноги на другую. И снова тишина, теперь уже тяжёлая, липкая, будто она нарочно обволакивала комнату, не давая сделать вдох.

Я вскочила, пальцы дрожали, но я всё же нащупала выключатель и щёлкнула им. Яркий свет ворвался в комнату, безжалостно высветив каждый угол, каждую тень, превратив их в

обычные очертания мебели. Комната была пуста. Дверь плотно закрыта, ни щели, ни намёка на сквозняк. Окно тоже заперто, рама неподвижна, будто и не было никакого вторжения.

Но на подоконнике лежала третья записка. Аккуратная, тонкая, будто её положили с почти бережной точностью. На бумаге — знакомые резкие буквы:

«Он был здесь. Не открывай ему. К.»

Я переводила взгляд с двери на окно, потом снова на записку, пытаясь собрать мысли в кучу, заставить их двигаться логично, по прямой, а не кружиться в панике. «Он был здесь». Кто — он? Тот, кто только что стоял у моей кровати, дыша одним воздухом со мной? Или тот, кто оставил записку — Кирилл, который каким-то образом знал, что произойдёт?

Смысл слов кололся, как осколки стекла. «Не открывай ему». Кому? Когда? Если он уже был здесь, разве это что-то меняло?

Я опустилась на кровать и обхватила колени руками, прижимая их к себе так сильно, будто это могло удержать меня на месте, не дать рассыпаться на тысячи перепуганных частиц. Так я и просидела до самого утра — не шевелясь, почти не дыша, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому порыву ветра, к каждому скрипу старого дома, который будто насмехался надо мной.

Где-то ближе к рассвету свет в окне усадьбы погас. Он не потух постепенно, не растаял — он исчез резко, будто кто-то дёрнул невидимый рубильник. Но я знала: это ничего не значит. То, что приходило ночью, не нуждалось в свете.

Он был здесь. И он вернётся. Я чувствовала это каждой клеточкой своего тела — холодным, неизбежным знанием, от которого не спрятаться даже под самым толстым одеялом.

Глава 4. Следы на земле

Я не спала. Просто лежала, уставившись в потолок, и слушала, как дом живёт своей ночной жизнью: то скрипнет половица, то где-то вдалеке щёлкнет остывающая балка, то ветер пройдётся по веткам, шурша, будто перелистывает страницы старой книги. Где-то в лесу крикнула птица — или мне только показалось, что крикнула: звук был слишком резким, чужим, будто не принадлежал этому месту.

Рука сама тянулась к телефону — я проверяла его каждые пять минут, хотя прекрасно знала, что сети нет. Это была не надежда, а просто привычка цепляться за что-то привычное, за маленький кусочек нормальной жизни, который сейчас казался особенно хрупким.

К пяти утра небо начало сереть, и этот тусклый, безжизненный свет постепенно заливал комнату, стирая тени, делая их не такими пугающими. Я наконец встала. Записка по-прежнему лежала на подоконнике — серая бумага, резкий, угловатый почерк. Те же слова, от которых по коже бежали мурашки:

«Он был здесь. Не открывай ему. К.»

Я перечитала её раз десять, будто надеялась, что на десятый раз смысл станет проще, понятнее, не таким зловещим. Но он не становился. Только въедался в сознание, как чернила в промокашку.

Тогда я достала чёрный блокнот — тот, где хранила шифры, заметки, обрывки мыслей, которые не решалась произнести вслух, — и аккуратно переписала записку. На всякий случай. Если вдруг бумага исчезнет — а после всего, что происходило, я уже ни в чём не была уверена, — у меня останется копия. Пусть хоть эти буквы останутся со мной.

«Он был здесь». Кто — он? Тот, кто стоял у моей кровати, почти касаясь меня своим холодом? Или Кирилл писал о ком-то другом — о том, кто ходит рядом, прячется в тенях, следит? И почему «не открывай ему»? Я ведь не открывала. Я вообще не вставала с кровати. Но он был здесь..

Я поёжилась, будто снова почувствовала тот ночной холод, и поспешно оделась. На кухне я сварила кофе, стараясь делать всё как обычно: мерить ложкой зёрна, слушать шипение турки, смотреть, как поднимается пенка. Обычные действия в попытке убедить себя, что мир всё ещё держится на привычных вещах.

Отец ещё спал. Я села у окна, обхватив горячую чашку ладонями, и смотрела на усадьбу. В утреннем свете она выглядела почти нормально: старый дом, плющ, обвивающий колонны, облупившаяся краска. Просто здание, которое простояло слишком долго и успело запомнить больше, чем следовало бы.

«Не смотри в окна», — прозвучали в голове слова Кирилла. Я послушно отвела взгляд, но чувствовала, как окна смотрят на меня — холодные, пустые, внимательные.

В семь утра отец вышел на кухню — сонный, взъерошенный, в старом халате, который он носил ещё с тех времён, когда мы жили в городе.

— Ты чего не спишь? — спросил он, потирая глаза.

— Не спится, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Кошмары?

— Что-то вроде.

Он налил себе кофе и сел напротив, глядя на меня с той особой отцовской пристальностью, от которой хотелось одновременно и всё рассказать, и спрятаться.

— Арина, — начал он и замолчал, подбирая слова. — Я хотел с тобой поговорить.

— О чём?

— О том, что происходит. — Он посмотрел на меня прямо, без уклончивости. — Ты сама не своя с самого первого дня. Я думал, это из-за переезда, из-за нового места. Но сейчас… я вижу, что тебя что-то гложет. По-настоящему.

Я уставилась в чашку. Густой тёмный кофе казался сейчас единственным безопасным местом, куда можно было смотреть. Мне хотелось рассказать ему всё: про записки, про Кирилла, про то, как ночью кто-то стоял у моей кровати и дышал одним воздухом со мной. Но я знала, чем это закончится. Либо он не поверит и решит, что у меня нервы сдают, либо поверит — и тогда начнёт паниковать, метаться, пытаться увезти меня отсюда, ломать все свои планы. И то, и другое было плохо.

— Я в порядке, — сказала я тихо, но твёрдо. — Правда. Просто… новый город, новые люди, всё сразу. Это немного давит.

Он кивнул, но взгляд у него остался недоверчивым — таким, будто он слышал не слова, а то, что я пыталась ими спрятать.

— Ладно, — произнёс он наконец. — Но если что-то случится — ты мне скажешь. Сразу. Без этих «всё нормально».

— Скажу, — пообещала я, глядя ему прямо в глаза, чтобы он поверил.

Он встал, потянулся, и тут я вспомнила про дверь в подвале.

— Пап, — сказала я, стараясь говорить спокойно, — ты же обещал сегодня не разбирать кладку.

— Не буду, — он поднял руки, будто сдавался. — Я же обещал. Просто посмотрю документацию, сверюсь с чертежами. Просто посмотрю, ничего больше.

— Хорошо, — выдохнула я, чувствуя, как внутри чуть-чуть отпускает напряжение.

Он ушёл в подвал, а я осталась на кухне. Кофе давно остыл, но я всё ещё держала чашку, будто она могла меня согреть. Снова посмотрела на усадьбу и подумала: «Кто ты? И что тебе от меня надо?»

В школу я пошла через лес, но не по привычной тропинке, а по другой — той, что вела мимо камня. Я не собиралась туда сворачивать, честно. Ноги сами нашли этот путь, будто знали что-то, чего не знала я.

Камень стоял на месте, серый, тяжёлый, покрытый мхом. Следы вокруг него были затоптаны, будто кто-то ходил здесь кругами, снова и снова, будто искал что-то или пытался найти выход. Я присела, вглядываясь в землю. Отпечатки обуви — большие, мужские, с глубоким протектором. А рядом — царапины, длинные и неровные, будто кто-то волочил по земле что-то тяжёлое.

Я выпрямилась, оглядываясь. В лесу было тихо. Слишком тихо. Не та тишина, когда птицы просто не поют, а та, когда весь лес затаил дыхание и ждёт, что ты сделаешь дальше. Я уже начала привыкать к этой тишине, к тому, как она давит на уши, как проникает под кожу.

— Кирилл? — позвала я вслух, и собственный голос прозвучал странно, будто чужой в этой густой, насторожённой тишине.

Никто не ответил. Я почувствовала себя глупо. Но всё равно постояла ещё немного — на случай, если он где-то рядом.

Он не появился. Я пошла дальше.

В школе Лика ждала меня у ворот. Вид у неё был встревоженный.

— Ты чего такая? — спросила я.

— Ты слышала? — Она схватила меня за руку. — Ночью кто-то видел свет в усадьбе. В окне на втором этаже.

— И что?

— И то, что там уже двадцать лет никто не живёт. — Она посмотрела на меня. — Ты точно ничего не видела?

Я помолчала.

— Видела. Свет несколько раз.

— И ты мне не сказала?

— А что бы это изменило?

Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но потом закрыла. Пожала плечами.

— Не знаю, — прошептала я. — Может, и ничего. А может… может, я бы меньше боялась, если бы знала, что не одна это вижу. Что это не у меня в голове.

Мы пошли в класс. Я опустилась за свою парту, сжала пальцами край столешницы и попыталась слушать, что говорит учительница. Но мысли крутились вокруг одного и того же, как загнанный в клетку зверь: «Кто-то видел свет. Значит, это не галлюцинации. Значит, всё реально». И от этого становилось не легче, а страшнее — потому что если это реально, значит, где-то рядом ходит то, что я не должна была встречать.

На большой перемене я направилась в библиотеку. Там было тихо, пахло старой бумагой и пылью, и этот запах вдруг показался мне почти безопасным — как будто книги хранили в себе что-то нормальное, земное, не тронутое той тьмой, что подбиралась к нашему городу.

Игорь Семёнович сидел за своим столом и что-то писал, склонившись над листом. Когда я вошла, он поднял голову, и в его взгляде мелькнуло то самое выражение, которое я уже видела у других взрослых: смесь усталости и осторожности, будто он заранее знал, что разговор будет не из простых.

— Арина, — он отложил ручку, и этот жест прозвучал в тишине почти как сигнал. — Что-то случилось?

— Я хотела спросить… про Антона, — выговорила я, чувствуя, как слова царапают горло.

Он замер. На секунду даже перестал дышать.

— Про кого?

— Про парня, который пропал. Антона. Вы его знали?

Игорь Семёнович медленно перевёл взгляд на дверь, потом на окно, будто проверял, не подслушивает ли кто-то. Потом снова посмотрел на меня.

— Знал, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Он приходил сюда часто. Почти каждый день перед тем, как исчезнуть.

— Зачем? — спросила я, хотя уже догадывалась, какой будет ответ.

— За книгами. По истории. По… — он запнулся, подбирая слово, которое не звучало бы слишком странно. — По местным легендам. По тем, которые не печатают в учебниках.

— По каким именно?

Он помолчал, будто решал, стоит ли вообще продолжать. Потом встал, подошёл к дальнему стеллажу и, покопавшись среди папок, достал одну — тонкую, потрёпанную, с выцветшей надписью на обложке.

— Вот, — он положил папку на стол передо мной. — Это то, что он читал.

Я открыла её дрожащими пальцами. Внутри лежали старые газетные вырезки — пожелтевшие, с потёртыми краями, будто их много раз доставали и снова прятали. Заголовки цепляли взгляд, как острые крючки: «Пропал ученик старших классов», «Исчезновение без следа», «Полиция не находит следов». Я листала страницу за страницей. Даты были разными — шестидесятые, семидесятые, девяностые, двухтысячные. И каждый раз, раз в несколько десятилетий, появлялась одна и та же история: кто-то исчезал. И никто его не находил.

— Что это? — спросила я, хотя ответ уже стучал в висках.

— Это история города, — сказал Игорь Семёнович, и голос его звучал теперь совсем по-другому — не как у школьного библиотекаря, а как у человека, который слишком много знает и слишком долго об этом молчал. — Та часть, о которой не говорят вслух.

— Люди пропадают, — произнесла я, глядя на вырезки. — Регулярно.

— Раз в поколение, — снова кивнул Игорь Семёнович, и в этом движении было столько усталости, будто он повторял эту фразу десятки раз, но так и не привык к её тяжести. — Иногда

чаще. Иногда реже. Но всегда — кто-то. И всегда — молодой. Будто город и правда выбирает: ждёт своего часа, присматривается, а потом вытягивает из толпы именно того, кто ему нужен. Как будто есть какой-то невидимый счётчик, и когда он доходит до нуля — он берёт.

Он помолчал, словно прислушивался не ко мне, а к чему-то далёкому, что звучало где-то за стенами библиотеки, в самом воздухе города.

— И самое страшное, — добавил он тихо, — не в том, что люди исчезают. А в том, что потом о них будто забывают. Не сразу, конечно. Сначала ищут, кричат, плачут. А потом… разговоры стихают. Имена стираются. Будто кто-то аккуратно вычёркивает их из памяти. И остаётся только тишина — и эти вырезки. Как единственное доказательство, что человек вообще когда-то жил.

— Почему? — прошептала я, хотя понимала, что вряд ли услышу простой ответ.

Он посмотрел на меня долго, будто пытался решить, сколько правды я смогу выдержать. Потом вздохнул — тяжёло, как человек, который несёт этот груз уже много лет.

— Потому что кто-то забирает, — сказал он почти шёпотом, словно боялся, что эти слова могут быть услышаны не теми ушами. — Я не знаю, кто. Не знаю, как. Но я знаю, что это не совпадение. И Антон был не первым. И, боюсь, не последним.

Я снова посмотрела на вырезки. Строчки расплывались перед глазами, сливались в одно тёмное пятно.

— А перстень? — вспомнила я. — Он нашёл перстень. Говорил, что теперь ему «открыты все двери».

— Да, — тихо подтвердил Игорь Семёнович. — Перстень — это метка. Тот, кто его носит, становится… — он снова запнулся.

— Кем? — настойчиво спросила я.

— Ключом, — наконец произнёс он. — Ключом к двери.

— К какой двери?

— К той, которую лучше никогда не открывать.

Я захлопнула папку. В горле пересохло, язык стал тяжёлым и непослушным.

— Вы знаете, что за этой дверью? — спросила я.

— Я знаю, что она есть, — ответил он, глядя мне прямо в глаза. — И знаю, где она. В усадьбе, то есть в подвале. Там, где твой отец начал разбирать кирпичи.

Я замерла. Кровь будто остановилась в жилах.

— Откуда вы знаете? — голос прозвучал чужим, тонким, дрожащим.

— Потому что я видел чертежи, — тихо сказал он. — Много лет назад. Мне их показали… не по доброй воле. И я знаю, что там. И знаю, что будет, если эту дверь открыть.

— Что будет? — повторила я, хотя уже чувствовала, что лучше не знать.

Он не ответил. Просто смотрел на меня, и в его глазах был такой глубокий, старый страх, что мне вдруг стало ясно: некоторые ответы страшнее самого вопроса. И если он не хочет их произносить — значит, они способны сломать не только разум, но и саму жизнь.

После школы я шла домой, а в голове крутился вихрь из обрывков фраз, образов и страхов: газетные вырезки, пропавшие люди, перстень, дверь.… Всё это сплеталось в один тяжёлый узел, который никак не получалось распутать.

Я подошла к усадьбе и остановилась у ворот, вглядываясь в дом. Он стоял неподвижно — тёмный, замкнутый, будто нарочно прятал от меня свои секреты. В окне на втором этаже не было ни проблеска света, но я всё равно чувствовала: там кто-то есть. Тот, кто оставил записку, кто стоял у моей кровати.

— Кто ты? — произнесла я вполголоса, будто надеялась, что тишина ответит.

Но ответом были только ветер, шелест плюща на стенах да скрип старой калитки где-то вдалеке.

Я прошла во флигель. Из подвала доносилось тихое напевание — отец был там. Спустившись, я увидела его у стены: кирпичи были разобраны почти до конца, и в проёме зияла чёрная пустота, из которой тянуло ледяным, неживым холодом.

— Пап, — голос мой прозвучал хрипло.

— Арина! — Он обернулся, глаза горели азартом. — Ты только посмотри! Это же невероятно!

— Ты обещал не трогать, — сказала я, стараясь говорить спокойно, хотя внутри всё сжималось.

— Я только посмотрел! — Он взмахнул рукой, словно отметая мои возражения. — Понимаешь? Просто заглянул. И знаешь, что там? Проход настоящий. Он куда-то ведёт — может, в подземелье, может, в старые комнаты. Там могут быть уникальные находки, документы, предметы… Это часть истории!

— Пап, пожалуйста, не надо, — повторила я, чувствуя, как к горлу подступает паника.

— Ну что ты, Арин, — в его голосе проскользнуло раздражение, смешанное с усталостью. — Не надо вести себя как ребёнок. Это не просто дыра в стене. Это открытие. Я не могу взять и просто заложить её обратно, будто ничего не было.

— Можешь. Просто оставь это. Сейчас.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то сложное: не то раздражение, не то страх, не то то самое любопытство, которое всегда толкало его вперёд, невзирая ни на что.

— Ладно, — наконец выдохнул он. Обещаю, дальше порога не ступлю.

Я не стала спорить. Знала, что слова сейчас не помогут: он уже принял решение, и никакие мои просьбы его не остановят.

Вечером я сидела в своей комнате и водила ручкой по страницам чёрного блокнота, пытаясь уложить хаос мыслей во что-то связное.

«День шестой. Сегодня я узнала больше, чем хотела. В городе пропадают люди — раз в поколение, а иногда и чаще. Всегда молодые. Всегда кто-то один. Антон был не первым. И, возможно, не последним.

Игорь Семёнович знает больше, чем говорит. Он сказал, что перстень — это метка. Тот, кто его носит, становится ключом. Ключом к двери.

А дверь — здесь. В усадьбе. В подвале. Та самая, которую сейчас разбирает папа.

Записка гласила: “Не открывай”. Я пыталась его остановить. Не вышло.

Ещё я знаю, что ночью кто-то был в моей комнате. Я не видела его, но чувствовала присутствие — холодное, настойчивое, будто он изучал меня. И записка была: “Он был здесь. Не открывай ему”. Кто он? Я не знаю.

Но я точно знаю одно: мне нужно найти ответы. Пока папа не открыл эту дверь. Пока не стало слишком поздно».

Я закрыла блокнот, словно пыталась запереть в нём все свои страхи. За окном сгущались сумерки, и усадьба снова смотрела на меня своими тёмными окнами. А потом в окне на втором этаже вспыхнул свет.

Я поспешно отвернулась.

Ночью меня разбудил стук. Не в дверь — в окно. Тихий, но отчётливый, будто кто-то нарочно давал знать, что он здесь.

Я встала, подошла к окну. На подоконнике никого не было, но на стекле остался отпечаток — маленький, аккуратный, точно от одного пальца. Я вгляделась в темноту за стеклом, а потом перевела взгляд вниз, на двор.

У забора стояла высокая фигура в тёмном. Лица я не видела — только силуэт, неподвижный и пугающе спокойный. Но даже без лица я чувствовала его взгляд — тяжёлый, пристальный, будто он пытался проникнуть прямо в мои мысли.

Я отступила назад, сердце колотилось где-то в горле. Фигура не шевельнулась. Просто стояла и смотрела.

Я резко задёрнула штору, отрезав себя от этой тьмы, села на кровать и обхватила колени руками. В голове стучало: «Не открывай ему». Я не открыла. Но он всё равно был здесь. И он чего-то ждал.

До самого утра я не сомкнула глаз. Сидела, вслушиваясь в каждый звук: в завывание ветра, в шорох леса, в тяжёлый, размеренный вздох старого дома, который, казалось, жил своей собственной жизнью.

И где-то глубоко внутри зрело холодное, неотступное понимание: это только начало. И что бы ни пряталось за той дверью в подвале, оно уже знало, что я здесь. Оно чувствовало меня.

Глава 5. Дневник Воронцовой

Утром я проснулась с твёрдым намерением не пустить отца в подвал.

Я даже набросала в голове план — простой, почти детский: сказать, что мне плохо, что раскалывается голова, что мне нужна его помощь, чтобы он хоть на день отложил свои раскопки. Что угодно, лишь бы удержать его подальше от этой двери.

Но когда я вышла на кухню, отца там не оказалось. Кофе в чашке совсем остыл, тёмная плёнка затянула поверхность. Халат висел на спинке стула, будто он сбросил его в спешке. А снизу, из подвала, доносилось его пение — лёгкое, бодрое, совершенно не вяжущееся с тем, что там происходило.

Я спустилась.

Он стоял прямо у проёма. Кирпичи были разобраны полностью — ни одного на месте. В стене сияла пустота, глубокая и чёрная, как колодец, уходящий в никуда. Из неё тянуло холодом — не просто сыростью старого дома, а чем-то древним, затхлым, будто оттуда веяло временем, которое давно должно было истлеть. Как из склепа, забытого и запертого на сотню замков.

— Пап, — позвала я тихо, но голос всё равно прозвучал резко в этой тишине.

Он обернулся — и улыбнулся. Слишком широко, слишком восторженно, будто стоял не перед тёмной дырой в стене, а перед сокровищем, которое только что нашёл.

— Арина! Ты только посмотри! Я нашёл! Настоящий проход! Он уходит куда-то вниз!

— Ты обещал, — сказала я, и в этих двух словах было больше отчаяния, чем я хотела показать.

— Я только посмотрел! — Он взмахнул рукой, словно оправдывался, но в то же время защищал своё право на это открытие. — Понимаешь? Я не мог не посмотреть. Это же находка. Это… — он запнулся, подбирая слово, которое оправдало бы всё, — это же история.

— Пап, отойди от двери, — повторила я, делая шаг вперёд.

Улыбка сползла с его лица. Он посмотрел на меня так, будто видел впервые.

— Арина, что с тобой? Ты ведёшь себя странно.

— Странно? — Я подошла ближе, голос дрожал, но я не давала ему сломаться. — Ты разобрал стену в заброшенном доме, в подвале, где на кирпичах выжжены странные символы, и говоришь, что это история? Пап, это не история. Это...

Я не успела договорить. Из проёма донёсся звук — тихий, едва уловимый, но такой отчётливый, что у меня похолодели пальцы. Как будто кто-то глубоко вздохнул в темноте.

Отец обернулся, прислушиваясь.

— Ты слышал? — выдохнула я.

— Что?

— Вздох. Прямо оттуда.

Он помолчал, потом медленно покачал головой.

— Нет. Ничего не слышал. — Он посмотрел на меня, и в его взгляде уже не было восторга — только лёгкое раздражение и усталость. — Арина, ты себя накручиваешь. Там просто сквозняк. Старый дом, старые стены — они дышат, скрипят, стонут. Это нормально.

— Там не сквозняк, — прошептала я. — Там что-то есть.

— Ладно, — он взял фонарик, луч света метнулся по стенам и утонул в черноте проёма. — Если тебе так спокойнее, пойдём вместе. Посмотрим, что там.

— Нет, — я отступила на шаг. — Я туда не пойду. И ты не пойдёшь.

— Арина.

— Нет. Пожалуйста.

Он смотрел на меня долго, будто пытался разглядеть за этой паникой что-то понятное, что-то, что можно объяснить и успокоить. Потом тяжело вздохнул.

— Хорошо. Сегодня не пойду. Но завтра…

— Пап.

— Всё, хватит, — он поднял руки, сдаваясь, но в этом жесте не было настоящей капитуляции. Обещаю.

Я знала, что он не врёт — он и правда верил в свои слова. Но я также знала, что завтра он снова будет стоять здесь. И послезавтра. И в какой-то момент он всё-таки сделает шаг вперёд. И войдёт.

Я поднялась наверх, села на кровать и попыталась собрать мысли в кучу. Что я могу сделать? Кому позвонить? В полицию? Они не поверят. Лике? Она испугается, но не сможет помочь. Братья? Кирилл просил не говорить Марку… Но вдруг именно Марк — единственный, кто способен это остановить?

В голове всплыли его слова: «Если что-то случится — приходи к нам. В любое время».

Похоже, это время наступило.

Я нашла их дом на окраине города — старый, двухэтажный, с тёмными окнами и садом, который давно никто не стриг. Ветви деревьев почти касались крыши, будто пытались укрыть дом от чужих взглядов. Дверь была приоткрыта — совсем чуть-чуть, как будто кто-то только что вышел или вот-вот должен был войти.

В голове у меня крутился простенький, почти детский план: сказать, что мне плохо, что голова раскалывается, что без его помощи я не справлюсь — лишь бы он хоть на день забыл про свои раскопки. Лишь бы не подходил к этой проклятой двери.

Дом братьев я нашла на окраине города — старый двухэтажный особняк с тёмными окнами и заросшим садом. Ветви деревьев тянулись к крыше, сплетаясь над ней, будто пытались спрятать дом от чужих глаз. Дверь была приоткрыта — совсем чуть-чуть, на ладонь, как будто кто-то только что вышел… или вот-вот должен был войти.

На следующий день я пошла в библиотеку.

Игорь Семёнович ждал меня. Как будто знал, что я приду.

— Дневник, — сказал он, не поднимая головы. — Ты хочешь его прочитать.

— Да.

Он достал книгу — ту самую, в кожаном переплёте. Положил на стол.

— Читай здесь. Не забирай. И никому не показывай.

Я села. Открыла. Страницы были старые, пожелтевшие, с пятнами. Почерк — мелкий, аккуратный, с завитушками. Дневник женщины. Воронцовой.

«12 апреля 1923 года.

Сегодня я снова видела его во сне. Человека с пустыми глазами. Он стоял у порога и ждал. Я спросила, кто он. Он сказал: "Тот, кто открывает". Я проснулась в холодном поту.

Мама говорит, что это просто сны. Что мне не стоит думать о таких вещах. Но я знаю, что это не просто сны. Я чувствую, что порог близко. Что он открывается. И что кто-то должен его закрыть».

Я перевернула страницу.

«15 апреля 1923 года.

Я нашла перстень — он лежал на самом дне старой шкатулки, будто прятался там от чужих глаз. На металле был выбит тот же символ, что и на кирпичах у двери в подвале. Я не знала, что он значит, но стоило мне коснуться его, как по коже пробежало странное тепло — будто внутри металла что-то тихо проснулось, зашевелилось, потянулось ко мне. Мама твердила, чтобы я выбросила его, сожгла, закопала — что-то, лишь бы он больше не был рядом. Но я не могла. Он будто звал меня, шептал без слов: «Ты должна знать. Ты должна понять».

Я перевернула страницу.

«20 апреля 1923 года.

Я знаю, кто я. Я — Страж. Тот, кто закрывает. Но чтобы закрыть, я должна отдать часть себя. Не знаю, что это значит, но я готова.

Тот, кто открывает, уже здесь. Он ходит по городу, прячется в тенях, ждёт. Я должна найти его раньше, чем он найдёт меня».

Я подняла глаза. Игорь Семёнович смотрел на меня спокойно, но в его взгляде читалась тяжесть долгих лет, будто он знал эту историю не по бумагам, а по собственному опыту.

— Она была стражем, — сказала я, чувствуя, как слова ложатся на язык непривычно, тяжело. — Эта женщина Воронцова.

— Да, — кивнул он. — Последняя из рода.

— Что с ней случилось?

Он помолчал, подбирая слова так, чтобы они не ударили слишком больно.

— Она закрыла порог. В 1923 году. И исчезла.

— Исчезла? — повторила я, будто если сказать слово дважды, оно станет менее страшным.

— Её больше никто не видел, — тихо подтвердил он. — Понимаешь, Арина? Страж не возвращается. Он остаётся там. На той стороне. Это плата за то, чтобы дверь закрылась.

Я закрыла дневник. В горле пересохло, а в груди будто что-то сжалось, не давая дышать.

— Значит, я тоже… — начала я, но не смогла закончить.

— Ты можешь не быть стражем, — произнёс Игорь Семёнович твёрдо, глядя мне прямо в глаза, так, будто от этих слов зависело что-то очень важное. — Можешь уехать из города. Или просто закрыть глаза и сделать вид, что ничего не происходит. Это твой выбор, Арина. И никто не вправе его у тебя отнимать.

— А если я не хочу? — прошептала я.

Он вздохнул — так, будто этот вздох копился в нём годами.

— Тогда читай дальше. Там есть всё. Как закрыть порог и не умереть. Как… — он запнулся, словно само слово давалось ему с трудом, — как вернуться.

Я снова открыла дневник и погрузилась в строчки. Вечером я сидела в своей комнате и читала страницу за страницей, узнавая историю женщины, которая жила сто лет назад и чувствовала то же, что и я: страх, притяжение порога, тяжесть выбора. Она писала о снах, которые были не снами, о голосе, который звал её из темноты, о том, как она нашла способ закрыть дверь. И о цене, которую пришлось заплатить.

«Я отдала ему свои воспоминания. Всё, что было дорого: маму, дом, запах утреннего чая, смех, который когда-то звучал в комнатах. Любовь — ту самую, что греет изнутри. Теперь я пуста. Но порог закрыт. И город спит спокойно.

Если ты читаешь это — ты страж. Или станешь им. Не бойся. Ты не одна. Тот, кто рядом, поможет. Даже если он не человек. Даже если сам боится.

Порог можно закрыть, но не навсегда. Он вернётся, через поколение. Через два и тогда придёт новый страж. И новый тот, кто открывает.

Это круг. Его нельзя разорвать. Но можно замедлить».

Я захлопнула дневник. За окном сгущались сумерки, и в окне усадьбы снова горел свет — спокойный, жёлтый, будто ничего не происходило. Я долго смотрела на него, позволяя этим огням впитать хоть немного моего страха. Потом встала и плотно задёрнула штору, отрезав себя от этого света.

Теперь я знала, что делать. И знала, что это будет нелегко.

Ночью меня разбудил не стук и не шорох — а голос. Тихий, ровный, он доносился из подвала. Отец с кем-то разговаривал.

Я спустилась тихо, почти не дыша, ступая на цыпочках, чтобы ни одна половица не выдала меня. Дверь в подвал была приоткрыта, щель чернела в полутьме. Я осторожно заглянула внутрь.

Отец стоял у самого проёма. Перед ним была только темнота — густая, будто живая. И из этой темноты доносился голос: тихий, шипящий, с каким-то странным ритмом, от которого по коже бежали мурашки. Слов я не разбирала, но отец кивал, будто понимал каждое из них, будто они складывались для него в понятный узор.

— Пап, — позвала я дрожащим голосом.

Он обернулся. Глаза у него были странные — пустые, как будто кто-то стёр из них всё, что делало его моим отцом.

— Арина. Иди спать, — сказал он ровно, без эмоций.

— Пап, отойди от двери, — я шагнула ближе, пальцы сжались в кулаки.

— Иди спать, — повторил он тем же пустым голосом. — Я скоро приду.

Я не послушалась. Подошла, схватила его за руку — крепко, так, чтобы он почувствовал, что я здесь, что я настоящая.

— Пап. Пожалуйста.

Он посмотрел на меня. Моргнул. Как будто из темноты вынырнул на свет.

— Арина? — голос вдруг стал его собственным — тёплым, немного хриплым, человеческим. — Что… что я тут делаю?

— Ты разговаривал с кем-то, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Он перевёл взгляд на дверь, потом снова на меня. Лоб прорезали морщины, будто он пытался собрать рассыпавшиеся воспоминания.

— Я… я не помню, — прошептал он и вдруг поёжился, будто его пробрал ледяной сквозняк. — Мне показалось… показалось, что кто-то зовёт. Как будто я должен был что-то ответить.

— Пойдём наверх, — я потянула его за руку. — Пожалуйста.

Он кивнул и пошёл за мной, послушный, как ребёнок. Но у самой лестницы вдруг остановился и обернулся. Снова посмотрел на дверь — на эту чёрную, сияющую пустоту, будто она тянула его обратно, шептала его имя, звала назад.

— Арина, — сказал он тихо. — Там кто-то есть.

— Я знаю.

— Он говорит со мной. Во сне и наяву. — Он помолчал. — Он хочет, чтобы я открыл дверь.

Я взяла его за руку.

— Не открывай.

— Я не хочу… Но он, — отец запнулся, будто слова цеплялись за горло, — он обещает показать мне что-то. Что-то важное. То, что я потерял.

— Что? — выдохнула я, чувствуя, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия.

Он поднял на меня глаза — и в них было то, чего я никогда раньше не видела: не просто грусть, а настоящий, обнажённый страх, такой глубокий, будто он стоял на краю пропасти и уже чувствовал, как земля уходит из-под ног.

— Маму, — тихо сказал он. — Он обещает показать маму.

Я замерла, и время будто остановилось. Мама умерла, когда мне было семь. С тех пор отец ни разу не произносил её имени вслух — ни в ссорах, ни в воспоминаниях, ни даже случайно. Я думала, что он научился жить с этой пустотой, что смирился. А теперь поняла: он просто прятал её так глубоко, что даже сам боялся до неё дотронуться.

— Пап, — я шагнула ближе, голос звучал твёрже, чем я себя чувствовала, — это не мама. Это что-то другое. Оно притворяется. Оно знает, что это самое сильное.

— Я знаю, — прошептал он, и в этом признании было столько боли, что у меня защемило сердце. — Но я всё равно хочу посмотреть. Хоть на секунду. Хоть краем глаза.

Мы поднялись наверх. Я уложила его в кровать. Он уснул почти мгновенно — не как человек, который устал, а как тот, кого выключили: глаза закрылись, дыхание стало ровным, лицо разгладилось, будто кто-то стёр с него все тревоги.

Я осталась сидеть рядом, вглядываясь в черты его лица, запоминая каждую морщинку, каждую тень. И думала: «Я не могу это остановить. Он всё равно туда пойдёт. Рано или поздно дверь его позовёт — и он откликнется. И я не смогу его удержать. Ни словами, ни руками, ни своим страхом».

Достав чёрный блокнот, я вывела дрожащей ручкой:

«День седьмой. Дверь научилась говорить с папой. Она знает, куда бить. Обещает показать маму. Он понимает, что это ложь. Но всё равно хочет верить. И я не могу его винить. Я бы тоже хотела хоть на миг снова увидеть её.

Дневник Воронцовой. Она была стражем. Закрыла порог — и исчезла. Я не хочу исчезать. Не хочу забывать. Но, кажется, выбора у меня нет.

Завтра я пойду к Марку. Он знает больше, чем говорит. Может, у него есть план. Может, он подскажет, как удержать папу.

А если нет — значит, придётся делать это самой. По записям Воронцовой. По обрывкам, по догадкам. Я уже знаю, как закрыть порог. Осталось только не струсить».

Я закрыла блокнот, словно запирала в нём все свои сомнения, и легла рядом с отцом. Взяла его тёплую, тяжёлую руку в свою — как будто этот простой жест мог удержать его здесь, в нашем мире, подальше от той тьмы.

За окном медленно разгорался рассвет. Усадьба стояла тёмной, молчаливой, но я чувствовала её взгляд — тяжёлый, терпеливый. Она ждала. И тот, кто прятался за дверью в подвале, тоже ждал. Он был уверен, что победит: что папа поддастся, сделает шаг, откроет порог.

Но он не знал одного: я уже читала дневник Воронцовой. Уже складывала кусочки в единую картину. Уже понимала, что нужно сделать.

И я была готова. Почти.

Глава 6. Братья

Утром я оставила отца спать и пошла к братьям.

Дом стоял на окраине, где улицы заканчивались и начинался лес. Двухэтажный, с облупившейся краской и заросшим садом, он выглядел так, будто его построили сто лет назад и с тех пор ни разу не ремонтировали. Я постучала. Дверь открылась почти сразу — как будто меня ждали.

На пороге стоял Кирилл. Взгляд у него был тяжёлый, недовольный.

— Ты опять здесь.

— Мне нужен Марк.

— А я, значит, не считаюсь.

— Ты вчера сказал не говорить ему. Я не сказала. А сегодня мне нужен он.

Кирилл помолчал. Потом отступил в сторону.

— Проходи. Он наверху.

Я вошла. В доме было темно — шторы задёрнуты, свет едва пробивался. Пахло старыми книгами и чем-то ещё, что я не сразу опознала. Может, воском или ладаном. Как будто как в кафе.

Марк спустился через минуту. Увидел меня — и не удивился.

— Дверь, — сказал он. — Что-то случилось.

— Ночью папа разговаривал с кем-то в подвале. Он сказал, что голос обещает показать ему маму. — Я помолчала. — Мама умерла десять лет назад. Он никогда о ней не говорил. А теперь...

Марк и Кирилл переглянулись. Быстро, почти незаметно. Но я увидела.

— Что? — спросила я. — Что это значит?

— Это значит, что дверь зовёт, — сказал Марк. — И что она нашла слабое место.

— Слабое место?

— Твой отец… Его боль — это ключ, — тихо произнёс Марк, будто подбирал слова с осторожностью, боясь, что они сами по себе могут что-то разбудить. — Дверь не открывается сама. Ей нужен тот, кто захочет её открыть. Тот, кто отчаянно чего-то ищет. Чего-то, чего у него больше нет.

— И она обещает ему это? — голос мой прозвучал хрипло, будто я долго кричала внутри себя и только теперь смогла выдавить хоть звук.

— Она обещает всё, — отозвался Кирилл, прислоняясь к стене. Его тень легла неровным пятном, будто даже пространство вокруг него становилось чуть темнее. — Всё, что ты хочешь. Всё, что потерял. Всё, чего боишься не успеть получить. Она показывает это так ясно, что ты веришь: вот оно, совсем рядом. И остаётся только протянуть руку — открыть дверь.

— А если он откроет? — я сжала кулаки, ногти впились в ладони, и эта маленькая боль помогала держаться.

Кирилл переглянулся с Марком. Марк чуть заметно качнул головой — как будто просил не говорить. Но Кирилл не послушал.

— Что будет, если он откроет? — повторила я, и в тишине этот вопрос прозвучал громче крика.

— Порог откроется, — наконец сказал Марк. — И то, что за ним, выйдет в город.

— Что за ним? — я почти боялась услышать ответ, но всё равно спросила.

— Тень, — он произнёс это тихо, без пафоса, просто как факт, который давно перестал быть страшным и стал невыносимо обыденным. — То, что не имеет формы. То, что живёт в страхе, в боли, в потерях. Оно не может выйти само. Но если кто-то откроет дверь — оно выйдет. И тогда…

— Тогда что? — прошептала я.

— Тогда город умрёт, — спокойно, почти буднично сказал Кирилл. — Не в один миг. Не взрывом и не пожаром. А медленно. Люди начнут исчезать. Не раз в поколение. Каждый день. Каждую неделю. Пока не останется никого. Пока город не станет пустым, как дом, из которого все уехали, но забыли выключить свет.

Я смотрела на них. Они не играли. Не пытались напугать ради эффекта. Они говорили так, как говорят люди, которые уже видели, как рушится мир.

— Откуда вы это знаете? — спросила я, чувствуя, как слова царапают горло.

Марк помолчал. Потом выдохнул, будто сбрасывал с плеч тяжёлый груз.

— Потому что мы были там. Когда порог открылся в последний раз.

Они рассказали мне. Не всё — только самое главное, то, без чего я не смогла бы понять остального.

Оказалось, Марк и Кирилл — вампиры. Наверное, в другой день я бы закричала, вскочила, убежала, не разбирая дороги. Но сейчас… Я и раньше замечала странности: как Кирилл появляется будто из ниоткуда, как его глаза вспыхивают в темноте, как он никогда не ест при мне, а из бокала пьёт что-то тёмно-красное, что я сначала принимала за вино.

— Мы не такие, как в книгах, — сказал Марк, словно читал мои мысли. — Чеснок нас не пугает. Кресты не обжигают. Мы не спим в гробах. Но солнце… — он запнулся, будто само слово «солнце» было неприятным. — Оно нас не убивает. Но ослабляет. Как долгая болезнь и усталость, которая въедается в кости.

— А кровь? — спросила я.

— Мы пьём, — просто ответил он. Без оправданий, без стыда. — Но не убиваем. Есть доноры. Те, кто знает и кто согласен. В городе таких несколько.

— И вы… — я пыталась подобрать слова, чтобы не прозвучать грубо, но и не казаться наивной. — Вы живёте здесь? В этом городе?

— Мы приехали полтора года назад, — сказал Кирилл.

— После того как… — начала я.

— После того, как наш город сгорел, — закончил за него Марк. — Не буквально. Дома стоят до сих пор. Улицы те же — те же фонари, те же вывески, те же трещины на асфальте. Но город умер. Не рухнул, не сгорел дотла — он просто опустел изнутри. Потому что порог открылся. И Тень вышла. Мы не смогли её остановить. Мы… — он снова замолчал, будто каждое слово царапало горло, и подбирал следующее так осторожно, словно от него зависела чья-то жизнь. — Мы не справились. И ушли, пока ещё могли.

— Мы не бежали, — резко оборвал его Кирилл. В его голосе звенела сталь. — Мы выжили. Это не одно и то же.

— Для меня — одно, — тихо сказал Марк.

Они замолчали. Я смотрела на них — на двух братьев, таких разных и в то же время одинаково отмеченных чем-то тяжёлым. Марк — спокойный, вежливый, но в каждом его движении сквозила усталость, будто он слишком долго нёс на себе чужую боль. Кирилл — резкий, колючий, злой не от жестокости, а от бессилия. Он был как сломанная пружина: не разогнётся, но и не сломается до конца.

— А здесь? — спросила я. — Почему вы приехали именно сюда?

— Потому что здесь порог ещё закрыт, — ответил Марк. — Мы почувствовали его. И приехали. Чтобы не дать ему открыться.

— И как вы это делаете?

— Пока никак, — признался Кирилл. — Мы ждём.

— Чего?

— Стража, — сказал он, глядя прямо на меня.

Я замерла. Воздух будто стал гуще, и каждый вдох давался с трудом.

— Вы знали? — голос дрогнул, и я не смогла это скрыть. — Знали, что это я?

— Мы почувствовали тебя, — сказал Марк. — В тот день, когда ты приехала. Страж — это как свет. Его видно. Ты не умеешь его прятать. И не сможешь, пока не научишься.

— А вы можете меня научить? — спросила я, уже зная, что соглашусь на любые условия, лишь бы не стоять перед этой тьмой одной.

Они снова переглянулись — этот молчаливый разговор между ними длился всего секунду, но вмещал в себя больше слов, чем я могла бы произнести за час.

— Можем, — сказал Кирилл. — Но не просто так.

— Что вы хотите?

— Чтобы ты не лезла туда одна, — он шагнул ближе, и я почувствовала, как от него веет холодом, не зимним, а каким-то внутренним, древним. — Ты думаешь, что справишься. Что прочитаешь дневник и всё поймёшь. Но дневник — это не инструкция. Это история. А истории… — он помолчал, подбирая слова, — истории не всегда заканчиваются тем, чего ты ждёшь.

— Я знаю, — сказала я, хотя знала только то, что видела в своих кошмарах.

— Нет, не знаешь, — твёрдо сказал он. — Ты не видела, что делает Тень. Не видела, как она вытягивает из людей то, что делает их собой. Как они меняются. Как перестают быть теми, кем были.

— А ты видел?

— Да, — коротко ответил он и отвернулся, будто не хотел, чтобы я увидела, что прячется у него в глазах.

Я хотела спросить ещё, но Марк мягко остановил меня одним взглядом.

— Арина, — сказал он. — Мы поможем тебе. Но ты должна понимать: мы не всесильны. Мы можем прикрыть тебя от Тени на какое-то время. Можем не дать ей схватить тебя. Но закрыть порог… — он сделал паузу, и в этой паузе было что-то окончательное, нерушимое, — это можешь только ты.

— Почему я? — прошептала я, и этот вопрос был не про храбрость и не про силу. Он был про несправедливость: почему именно мне пришлось стать той, кто стоит между городом и тьмой?

— Потому что ты — страж, — Марк посмотрел на меня прямо, без жалости, но и без жестокости, так, будто хотел, чтобы я услышала не только слова, а всё, что за ними прячется. — И потому что ты уже связана с порогом. Ты видела свет в окне. Слышала голос. Чувствуешь его присутствие, даже когда стараешься не замечать. Это связь. И она не останется на месте — она будет крепнуть с каждым днём.

— Что это значит? — спросила я, хотя уже догадывалась, и от этой догадки по коже бежали холодные мурашки.

— Это значит, что чем дольше ты здесь, тем труднее тебе будет просто взять и уехать, — он помолчал, давая этим словам осесть. — Порог не отпустит тебя. Он будет держать, тянуть к себе, пока ты либо не закроешь его, либо он не поглотит тебя целиком.

Я смотрела на него, и мир вокруг будто стал тише — даже ветер перестал шуметь в листве. В горле пересохло, а в груди всё сжалось, будто кто-то крепко обхватил сердце.

— И что мне делать? — прошептала я.

Кирилл ответил раньше, чем Марк успел открыть рот:

— Учиться, — он подошёл ближе, и от него веяло холодом, не злым, а каким-то отстранённым, будто он давно забыл, каково это — быть по-настоящему тёплым. — Ты должна научиться чувствовать порог. Управлять им и закрывать его. И при этом остаться в живых. Это не про храбрость, Арина. Это про точность. Про контроль.

— И вы меня научите? — голос дрогнул, но я не дала ему сломаться.

— Я научу, — сказал Кирилл. — А Марк будет следить, чтобы мы не убили друг друга в процессе.

Марк едва заметно покачал головой, но спорить не стал — только чуть приподнял бровь, будто говорил: «Ты сам знаешь, что это правда».

Мы вышли в сад. Вечер уже опускался на землю, и тени от деревьев стали длиннее, будто тянулись к нам. Кирилл встал напротив, расставив ноги, выпрямив спину, как перед боем.

— Первое правило, — произнёс он чётко, словно вбивал каждое слово в мою память. — Не смотри в окна усадьбы. Ты и так уже слишком много видела. Второе — не слушай голос. Он будет звать. Будет говорить твоим голосом. Голосом твоего отца. Голосами тех, кого ты любишь. Он знает, куда бить.

— Как мне не слушать? — я невольно сжала пальцы в кулаки.

— Никак, — он пожал плечами, но в этом жесте не было безразличия — скорее горькая правда, которую он выучил на своей шкуре. — Ты не можешь не слышать. Но можешь не отвечать. Это главное.

— А если я отвечу?

— Тогда он поймёт, что ты слышишь. И будет говорить громче. Будет шептать настойчивее. Пока ты не повернёшься и не пойдёшь к нему.

Я кивнула. Запомнила. Каждое слово — как гвоздь в доску.

— Третье, — продолжил он. — Ты должна научиться чувствовать порог. Не глазами. Не ушами, а чем-то глубже. Закрой глаза.

Я закрыла. Вокруг стало тихо, только где-то далеко крикнула птица, да ветер шелестел в траве.

— Что ты чувствуешь? — его голос звучал ровно, без эмоций, будто он проверял не меня, а механизм.

— Ничего, — сказала я. — Только темноту.

— Не темноту, — отрезал он. — Не «ничего». Закрой глаза и почувствуй. Не головой. Не мыслями, чем-то другим. Тем, что шевелится внутри, когда рядом опасность.

Я стояла. Дышала. Старалась не думать, не вспоминать, не бояться. Просто быть здесь.

И вдруг почувствовала. Слабо, едва уловимо — как натянутую нить, которая тянется куда-то в сторону. Лёгкое, но настойчивое притяжение, будто кто-то тихонько дёргал за невидимую струну глубоко внутри меня.

— Чувствую, — выдохнула я. — Тянет.

— Куда? — спросил он резко, будто боялся, что я потеряю это ощущение.

— Туда, — я открыла глаза и показала в сторону усадьбы. — К дому, подвалу, прямо к двери.

Кирилл кивнул, и в его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение — или на тревогу.

— Хорошо. Ты уже чувствуешь. Даже быстрее, чем я думал.

— Это плохо? — спросила я, и голос снова дрогнул.

— Это значит, что связь сильная, — он помолчал, и в этой паузе было больше страха, чем в любом крике. — А значит, времени у нас меньше, чем я надеялся.

Мы тренировались ещё час. Кирилл заставлял меня снова и снова закрывать глаза, искать это чувство, учиться отличать его от страха, от воспоминаний, от желания просто сбежать. Учил не поддаваться зову, не отвечать на него ни словом, ни взглядом, ни даже мыслью. Марк стоял в стороне, наблюдал. Иногда вмешивался — когда Кирилл нажимал слишком сильно, когда я начинала шататься от усталости, когда в глазах темнело и земля будто уходила из-под ног.

— Хватит, — наконец сказал Марк, шагнув вперёд. — Она не железная. Ещё немного — и она просто упадёт.

Кирилл посмотрел на меня. Я стояла, тяжело дыша, с мокрыми от пота висками, чувствуя, как дрожат колени. Голова кружилась, а внутри всё гудело, будто я стояла рядом с огромным колоколом, который только что ударил.

— Ладно, — буркнул Кирилл. — На сегодня всё.

Он развернулся и ушёл в дом, не оглядываясь.

Марк подошёл ко мне.

— Ты справляешься, — сказал он спокойно, но в его голосе слышалось что-то ещё — не похвала, а признание тяжести того, что я делаю.

— Правда? — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

— Правда, — он чуть наклонил голову, будто прислушивался к чему-то. — Он не всегда такой. Кирилл. Он… он просто боится.

— Чего? — спросила я.

— Того, что всё повторится, — Марк посмотрел в сторону дома, и на секунду его лицо стало совсем чужим, старым, будто на него легла тень всех прожитых лет. — Он не хочет терять ещё одного человека.

— Кого он потерял? — я хотела понять, хотела увидеть за этой бронёй что-то настоящее.

Но Марк не ответил. Только чуть качнул головой, как будто отгонял воспоминание.

— Пойдём, — сказал он. — Я провожу тебя до дома.

По дороге мы шли молча. Город вокруг жил своей обычной жизнью: где-то хлопала дверь, вдалеке смеялись подростки, на перекрёстке мигал светофор. Всё было как всегда. И в то же время — совсем не так. Потому что теперь я знала: под этой привычностью прячется тьма, и она ждёт.

Я думала о том, что узнала за этот день: вампиры, порог, Тень, страж. Слова крутились в голове, как осколки зеркала, и каждый резал. Но я не могла остановиться. Не могла сделать вид, что ничего не происходит. Потому что если я закрою глаза — папа сделает шаг вперёд. И город начнёт умирать.

— Марк, — наконец сказала я, нарушая тишину. — А что будет, если порог откроется?

Он помолчал. Ветер тронул волосы, и я вдруг почувствовала себя маленькой и очень одинокой.

— Ты уже видела, что происходит, когда порог закрыт, но рядом, — тихо ответил он. — Люди пропадают. Раз в поколение. Это как капля воды, падающая в колодец. Слышно, но не страшно. А если он откроется… — он посмотрел на меня, и в его глазах не было надежды, только правда, тяжёлая и неизбежная. — Тогда пропадать будут все неделю Постоянно. Каждый день, каждую. Пока не останется никого. Пока город не станет просто набором пустых домов, в которых эхо будет звучать громче, чем когда-то голоса.

— И вы можете это остановить? — спросила я, цепляясь за последнюю надежду.

— Мы можем помочь, — он остановился, будто хотел, чтобы эти слова дошли до самого дна моей души. — Мы прикроем тебя, — твёрдо сказал Андрей, будто одним этим обещанием мог возвести стену между ней и любой опасностью. — Выиграем время. Не дадим им добраться до тебя. Ни за что. Тени схватить тебя раньше срока. Но решать — тебе. Ты страж. Ты закроешь порог. Или не закроешь. Мы можем только поддержать.

— А если я не справлюсь? — прошептала я, и этот вопрос был не про силу и не про умения. Он был про страх, который сидел внутри и шептал: «Ты не сможешь. Ты сломаешься».

Марк посмотрел на меня долго, не отводя взгляда. В его глазах не было ни жалости, ни пустых обещаний. Только честность.

— Если ты не справишься, — наконец сказал он, — город умрёт. Но я буду рядом. И Кирилл тоже. Мы не оставим тебя одну.

— Тогда мы все умрём.

Мы шли по пустой улице, и я уже почти расслабилась. Почти. Марк шагал рядом, спокойный, ровный, и его присутствие будто держало меня на поверхности.

А потом это случилось.

Сначала — лёгкий холодок между лопаток. Я списала его на вечерний ветер. Потом — ту самую нить внутри: она натянулась, дрогнула и потянула. Не слабо, как в саду. Сильно. Жадно. Будто из-под земли кто-то ухватился за неё и рванул.

— Арина? — Марк заметил, что я замедлила шаг.

— Я… — я не успела договорить.

Ноги повернули сами. Не потому, что я захотела, — потому что тело уже не принадлежало мне до конца. Голова была моя, страх был мой, а вот шаги — нет. Они несли меня в сторону усадьбы, в сторону той чёрной пустоты в подвале, и где-то на самом краю сознания шептала мысль: «Совсем недалеко. Совсем чуть-чуть. Просто посмотри».

— Арина! — Марк оказался рядом в одно мгновение — я даже не видела, как он переместился. Его пальцы сомкнулись на моём запястье. Холодные и крепкие, как стальной обруч.

— Отпусти, — прошептала я, и голос мой был не совсем моим. — Мне надо туда. Я должна. Меня ждут.

— Никто не ждёт, — сказал он тихо и твёрдо. — Слышишь меня? Никто.

Он развернул меня к себе. Взяла за вторую руку. Его лицо было в двух ладонях от моего, и его глаза — тёмные, спокойные, очень старые — смотрели так, будто он видел сквозь меня.

— Посмотри на меня. Не туда. Смотри на меня. Ты слышишь голос?

— Да, — выдохнула я. Он шептал изнутри, моим собственным голосом, и это было страшнее всего: он говорил то, что я сама могла бы сказать. «Он там один. Он страдает. Ты можешь помочь. Ты обязана».

— Он говорит моим голосом? — Марк как будто прочитал вопрос, который я не успела задать.

— Он говорит… он говорит, что папа там один. Что он страдает. Что я могу помочь.

— Это ложь, — сказал Марк. Каждое слово он произносил медленно, как вбивал гвоздь. — Порог лжёт. Он всегда лжёт. Он знает, где твоя рана, и тычет в неё, пока ты не пойдёшь за ним. Это его единственный голос. Запомни его наизусть, чтобы узнавать.

Нить внутри дёрнула ещё раз — сильнее, отчаяннее. Мои пальцы сами разжались, потянулись куда-то мимо Марка, к тёмному силуэту усадьбы, который темнел на холме.

— Иди одна прямо сейчас, — прошептал из меня этот голос. — Он там. Он ждёт. Он умрёт без тебя.

И тогда Марк сделал то, чего я не ожидала. Он не стал держать крепче, не стал кричать. Он просто наклонился и сказал очень тихо, почти у самого моего уха:

— Кирилл там. Один на пороге. Если ты пойдёшь сейчас, не научившись ничего, ты не поможешь ни отцу, ни ему. Ты откроешь дверь, и Тень выйдет в город. В тот город, где живёт Лика. Где живёт Игорь Семёнович. Где живёт твой отец. Ты понимаешь, что сделаешь?

Что-то в этих словах щёлкнуло. Как выключатель. Нить всё ещё тянула, но я вдруг снова почувствовала своё тело: холодный воздух в лёгких, боль от его пальцев на запястье, собственное сердце, колотящееся где-то в горле.

— Я слышу его, — прошептала я. — Он всё ещё говорит.

— Пусть говорит, — Марк не отпускал. — Отвечать не будешь. Это и есть первый настоящий урок. Не закрыть уши. А стоять и слушать, не поддаваясь. Страж не тот, кто не слышит зов. Страж тот, кто слышит и не идёт.

Я стояла посреди тёмной улицы, и голос продолжал шептать. Я слушала. Плакала, наверное, — щёки были мокрые. Но ногами больше не двигала.

Постепенно шёпот стал тише. Нить ослабла, будто кто-то на другом её конце понял: не сегодня. Она не отпустила совсем — я чувствовала её, натянутую внутри, как струну. Но она замерла. Ждала следующего раза.

— Всё, — сказал Марк, ослабляя хватку. — Дыши медленно.

Я вдохнула. Выдохнула. Колени дрожали так, что я чуть не села прямо на асфальт.

— Это было… — я не нашла слова.

— Это было начало, — сказал он. — Он понял, что ты слышишь. Теперь он будет приходить чаще. И лучше. Он будет говорить голосом твоей мамы, Арина. Будь готова.

Я закрыла глаза, и перед внутренним взором вдруг встала мама. Конечно. Он ведь знает. Всегда знает, куда ударить так, чтобы боль отозвалась не просто вспышкой, а долгим, глухим эхом — туда, где рана самая глубокая, самая незаживающая.

— Пойдём, — Марк коснулся моего плеча. — Я всё-таки доведу тебя до дома. И не потому, что ты слабая. А потому, что ты только что выдержала бой, о котором не знает никто в этом городе.

Мы пошли дальше, и я чувствовала его рядом — тихого, верного, холодного. И впервые за все эти дни мне не было страшно идти через темноту.

Почти не страшно.

Дома я застала отца в подвале. Он стоял у двери и смотрел в темноту. Я взяла его за руку.

— Пап. Пойдём наверх.

Он обернулся. Глаза у него были мутные.

— Арина. — Он улыбнулся. — Я слышал её сегодня. Маму. Она говорила со мной.

Я замерла, чувствуя, как холод ползёт по спине, будто сама тьма протянула руку и коснулась меня.

— Пап, это не она, — голос звучал твёрдо, но внутри всё дрожало, как натянутая струна, готовая лопнуть.

— Она, — он кивнул, и в этом движении не было ни сомнения, ни растерянности — только упрямая, болезненная уверенность. — Она сказала, что ждёт меня. Там за дверью. Сказала, что мы снова будем вместе навсегда.

— Пап, мама умерла. Ты сам это знаешь. Ты помнишь.

— Знаю, — тихо ответил он, не сводя глаз с проёма. — Но она сказала, что смерть — это не конец. Что там, за дверью, мы можем быть вместе. По-настоящему.

Я сжала его руку так крепко, будто могла удержать его одной этой хваткой, не дать сделать шаг в ту черноту.

— Пап, это ложь, — прошептала я, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Там нет ничего, кроме тьмы. И того, что притворяется мамой. Оно знает, куда бить. Оно бьёт прямо в самое больное.

Он посмотрел на меня, и в его глазах я увидела то, чего боялась больше всего на свете, — не безумие, не пустоту, а надежду. Ту самую, которая страшнее любого отчаяния, потому что её почти невозможно сломать.

— А если нет? — спросил он тихо, будто боялся спугнуть даже саму возможность чуда. — А если это правда? Если там действительно есть способ всё вернуть?

Я не знала, что сказать. Никакие слова не могли перевесить эту надежду. Я просто стояла, держала его за руку и думала: «Я не могу его остановить и не смогу заставить забыть. Не могу стереть эту боль, я только быть рядом и держать его. И молиться, чтобы он услышал меня раньше, чем дверь заберёт его целиком».

Вечером я достала чёрный блокнот и вывела дрожащей ручкой:

«День восьмой.

Теперь я знаю, кто такие Марк и Кирилл. Вампиры. Не из сказок и не из фильмов — а настоящие. Они приехали сюда не ради покоя. Они чувствуют порог. Они знают, как он опасен. Они пытаются не дать ему открыться.

Они учат меня. Кирилл — жёстко, без поблажек. Марк — тихо, спокойно, будто знает, что я могу сломаться в любую секунду.

Я уже чувствую порог. Это не просто ощущение — это тяга, как будто внутри меня привязана нитка, и кто-то на другом конце потихоньку тянет. Это страшно. Но в то же время… это как будто я наконец-то вижу то, что раньше пряталось в темноте. Как будто я становлюсь той, кем должна быть. Или пытаюсь ею стать.

Папа слышит голос. Он уверен, что это мама. Хочет открыть дверь и желает поверить, что за ней — спасение. Что он снова сможет обнять её.

Я не в силах его остановить — никаких сил на это не хватит. Всё, что мне остаётся, — стоять рядом, не отпуская его руку, будто эта тонкая связь — единственная нить, удерживающая его в этом мире. Снова и снова напоминать ему, кто он и где находится, цепляться за крупицы его сознания и отчаянно надеяться, что этого будет достаточно, чтобы не дать ему сорваться в бездну.

Кирилл не раз внушал мне: не слушай этот шёпот, не отвечай на него ни словом, ни вздохом. «Каждый твой ответ — это корм для порога, — говорил он твёрдо, без лишних эмоций, но в его голосе всегда сквозила тяжесть понимания, насколько это опасно. — Ты словно подкидываешь ему силы, даёшь опору. Стоит тебе вступить в разговор — и порог тут же крепнет, разрастается, тянет тебя к себе всё сильнее. Он питается твоими ответами, становится мощнее с каждым сказанным словом».

Это было невыносимо трудно. Голос звучал то как папин — тёплый, родной, такой, каким я помнила его в те дни, когда всё ещё было нормально, — то как голос Лики, лёгкий и беспечный, будто она просто зашла поболтать. А иногда он становился моим собственным: я слышала свои мысли, только чуть тише, чуть настойчивее, будто кто-то шептал их мне на ухо, помогая поверить в то, во что верить нельзя.

Иногда я ловила себя на том, что шепчу в ответ. Не словами — скорее вздохами, обрывками фраз, будто пыталась договориться с этой тьмой. И стоило мне ответить, как голос становился громче, настойчивее, словно радовался, что я наконец-то его признала. Он будто говорил: «Ты слышишь. Ты веришь. Ты почти готова».

Мне было страшно. Так страшно, что по ночам я просыпалась от собственного дыхания — резкого, прерывистого, будто я забыла, как дышать, и только сейчас вспомнила. В темноте комнаты тишина казалась не пустой, а наполненной: в ней прятались шёпоты, которые я старалась не слушать, но всё равно слышала.

Но я не могла остановиться. Не могла притвориться, что ничего не происходит, закрыть глаза и сказать себе: «Это сон, это просто усталость». Потому что если я остановлюсь, если позволю себе поверить, что всё в порядке, папа сделает этот шаг. Подойдёт к двери. Протянет руку. И тьма, которая так долго ждала, наконец-то выйдет наружу.

Город исчезнет. Лика, с её смехом и вечными историями, которых я больше не услышу. Папа, который сейчас смотрит на дверь с надеждой, которую мне нечем разбить. И я сама — я тоже исчезну, растворюсь в этой тишине, где не будет ни боли, ни страха, ни любви. Просто пустота.

Я должна научиться быстрее. Необходимо понять, как держать эту нить и не поддаваться её тяге. Пока не стало слишком поздно. Пока надежда в папиных глазах не превратилась в шаг вперёд — шаг, который уже нельзя будет остановить.

Я закрыла блокнот и щёлкнула застёжкой. Этот короткий, сухой звук прозвучал в комнате как что-то настоящее, как якорь, который удерживал меня здесь, в реальности, а не в том мире, куда звал голос.

За окном темнело. Сумерки опускались на город медленно, тяжело, словно плотное, влажное одеяло, которое давит на плечи и не даёт вздохнуть полной грудью.

Усадьба стояла напротив — тёмная, неподвижная, будто прислушивалась к каждому моему вдоху, к каждому шороху в комнате. Но в окне второго этажа не горел свет. Впервые за несколько дней. Ни жёлтого пятна, ни лёгкого мерцания, ни даже намёка на жизнь. Только чёрная прямоугольная пустота, ровная и бездонная, как провал в никуда.

Я смотрела на это окно и пыталась угадать: что это значит? Может, голос затих? Может, порог на мгновение выдохся, устал тянуть? Или это то самое затишье перед грозой — когда воздух становится густым, неподвижным, и даже ветер не смеет шевельнуть листву?

Ответа не было. Только тишина. Тяжёлая, вязкая, будто сама реальность замерла в ожидании.

И где-то глубоко внутри меня по-прежнему тянула та самая нить. Она не ослабевала. Наоборот — с каждым днём становилась крепче, будто порог привыкал ко мне, узнавал меня, учился говорить на языке моих страхов. И эта связь росла, хотела я того или нет. Она становилась частью меня — как шрам, который сначала болит, а потом просто напоминает, что ты выжил.

Арина вдруг услышала тихий, едва уловимый звук — такой, какой бывает, когда кто-то очень осторожно, почти с уважением, поворачивает дверную ручку. Скрежет был не резким, а тягучим, будто металл нехотя поддавался давлению, и от этого становилось ещё страшнее: будто дверь не просто хотели открыть, а уговаривали открыться.

Арина замерла, пальцы до побелевших костяшек вцепились в обложку блокнота. В комнате было тихо — так тихо, что этот звук прозвучал громче крика. Она знала: дверь закрыта. На ключ. Она сама проверяла трижды. И всё же звук был. Настоящий. Или слишком настоящий, чтобы быть выдумкой.

— Не смотри, — прошептала она себе, повторяя урок Кирилла, как молитву. — Не смотри. Не отвечай.

Но тело не слушалось. Глаза сами скользнули к двери. И в тот миг, когда взгляд коснулся ручки, та дрогнула. Чуть-чуть. Будто кто-то на той стороне замер, прислушиваясь: «Ты видишь? Ты веришь?»

Внутри натянулась знакомая нить — та самая, что тянула к усадьбе. Сейчас она дёрнулась, будто обрадовавшись: «Вот. Ты уже смотришь. Ты уже почти веришь».

Голос зашептал — не снаружи, а прямо в голове, мягко, ласково, как делают, когда хотят убаюкать страх:

«Это просто дверь, Арин, — шептал голос мягко, почти нежно, будто боялся спугнуть, но в этой мягкости пряталась стальная хватка. — Ничего страшного. Совсем ничего. Открой её. Там папа. Он ждёт тебя. Ты же слышишь, как он зовёт? Он не может выйти сам — дверь слишком тяжёлая, слишком старая. Ему нужна твоя рука. Всего лишь твоя рука, и всё сразу станет хорошо. Он снова будет рядом. Ты сможешь обнять его. Сказать: „Я здесь, я не ушла“. Разве ты этого не хочешь?»

Она сжала зубы так, что в висках застучало.

— Нет, — выдохнула она, и это слово прозвучало как удар, будто она разбила что-то хрупкое внутри себя — ту самую иллюзию, которая чуть не заставила её подняться. — Это не папа, — прошептала я, сжимая кулаки так, что пальцы побелели. — Это порог. Это Тень. Она лжёт — каждый раз без зазрения совести, без малейших угрызений. Она берёт его голос, его привычную улыбку, то самое тепло, от которого всегда становилось спокойно, — и сплетает из этого приманку. Тонкую, ядовитую, до боли знакомую. Но это не он. Ни капли не он. Просто маска, которую Тень надела, чтобы дотянуться до самого уязвимого во мне.

Голос не обиделся. Он даже не дрогнул — только стал чуть тише, чуть ближе, будто придвинулся к самому её уху:

«Ты устала, Арин. Ты столько дней держишь всё на себе. Дай себе отдохнуть хоть на минуту. Просто открой дверь. Пусть кто-то другой побудет сильным. Пусть это будет папа. Он ведь всегда был сильным для тебя, правда? Теперь ты можешь быть сильной для него».

Арина сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Боль была хорошей. Реальной. Она напоминала, что она — здесь, в своей комнате, перед закрытой дверью, а не там, в той лживой картинке, которую ей подсовывали.

— Я слышу тебя, — сказала она громко, будто слова могли стать стеной между ней и шёпотом. — Слышу. Но я не открою. Я не дам тебе забрать его и себя.

Тишина на секунду будто сжалась, как натянутая струна. Нить внутри дёрнулась — резко, почти зло, словно Тень поняла, что сегодня не выиграет. Потом скрежет у двери стих, ручка перестала шевелиться.

Арина не расслабилась. Она знала: это не победа. Это передышка. Тень не сдаётся. Она просто отходит в тень, чтобы придумать новый способ дотянуться.

Она медленно сползла по стене на пол, прижалась спиной к холодному дереву, будто оно могло её защитить. Окно напротив по-прежнему чернело пустой рамкой. Ни света. Ни движения. Только город, ночь и тишина, которая теперь казалась не пустой, а набитой чужими ожиданиями.

«Я справлюсь, — прошептала она, не столько себе, сколько той темноте, что слушала. — Я научусь держать эту дверь закрытой. Даже если придётся держать её руками, даже если пальцы будут кровоточить. Я не сдамся».

Голос не обиделся. Он только стал чуть ближе, чуть теплее:

«Ты устала. Ты столько дней держишь всё на себе. Дай себе отдохнуть. Просто открой. Пусть кто-то другой побудет сильным хоть минуту. Пусть это будет папа».

Арина закрыла глаза. Перед внутренним взором тут же вспыхнула картинка: папа стоит по ту сторону двери, улыбается, будто и не было всех этих дней страха, будто он снова тот самый папа, который в детстве укрывал её одеялом и говорил: «Ничего не бойся, я здесь». Картинка была такой яркой, такой настоящей, что пальцы сами потянулись к застёжке блокнота, будто хотели бросить его и броситься к двери.

И тут она вспомнила слова Марка: «Страж не тот, кто не слышит зов. Страж тот, кто слышит и не идёт».

— Я слышу, — сказала она вслух, чтобы голос звучал громче шёпота в голове. — Я слышу тебя. Но я не пойду.

Тишина ответила не сразу. Сначала нить внутри дёрнулась — отчаянно, зло. Потом скрежет повторился, на этот раз чуть резче, будто терпение на той стороне заканчивалось.

А потом… всё стихло.

Ручка замерла. Нить ослабла, но не исчезла — просто затаилась, как хищник, который понял, что сегодня не получит добычу, но никуда не уйдёт.

Арина сидела, не шевелясь, пока ладони не перестали дрожать. Потом медленно, не сводя глаз с двери, отодвинулась к окну. К свету улицы, к силуэту усадьбы напротив — к чему-то реальному, что можно увидеть, потрогать, проверить.

Окно второго этажа по-прежнему было тёмным. Чёрная прямоугольная пустота. И вдруг — на долю секунды — в этой темноте мелькнуло что-то. Не свет. Не движение. Просто лёгкое искажение, будто воздух на миг стал гуще, плотнее, как рябь на воде. А потом исчезло.

«Это ты делаешь вид, что ничего не было», — подумала Арина. — «Или это я уже не понимаю, где правда, а где порог?»

Она обхватила себя руками, чувствуя, как холод ползёт по коже. Но теперь к холоду примешивалось и другое чувство — злое, упрямое, почти горькое: «Я не сдамся. Я научусь. Я не дам тебе забрать папу».

Глава 7. Тот, кто не спит

Утром отца не было в доме.

Я проснулась, вышла на кухню — чашка на столе, кофе налит, но не тронут. Халат валяется на полу у лестницы. А из подвала — тишина. Такая тишина, от которой волосы на затылке встают дыбом.

Я спустилась.

Он стоял у двери. В одной руке — фонарик, в другой — молоток. Кирпичи были разобраны до конца. В проёме чернела дыра. Из неё тянуло холодом.

— Пап.

Он не обернулся. Стоял, вперившись в темноту у двери, будто ждал, что оттуда вот-вот кто-то выйдет — и тогда всё наконец-то станет понятно. Будто этот шаг решит всё.

— Пап, — я подошла ближе, и голос мой дрогнул, но я заставила себя говорить твёрдо. — Отойди от двери. Пожалуйста.

Он повернул голову. Медленно, будто каждое движение давалось с трудом. Глаза у него были пустые — не мутные, как вчера, а именно пустые, словно из них вынули всё, что делало его моим папой: узнавание, тепло, память. Он смотрел сквозь меня, будто я была просто тенью на фоне комнаты.

— Она говорила со мной, — сказал он ровно, пугающе спокойно. — Всю ночь. Не умолкала ни на минуту. Сказала, что ждёт. Что я должен открыть дверь. И только так мы снова будем вместе.

— Это не мама, — прошептала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от беспомощности. — Это не она, пап. Это что-то другое. Оно притворяется. Оно знает, как звучать, как выглядеть, как попасть прямо в сердце.

— Она сказала, что ты будешь против. Что ты не понимаешь. Что ты просто боишься.

— Пап, послушай меня, — я шагнула ещё ближе, протянула руку и осторожно взяла его за пальцы. Они были ледяными, будто он простоял у этой двери всю ночь, не замечая холода. — Это не она. Оно хочет, чтобы ты открыл. А если ты откроешь…

— Тогда мы будем вместе, — повторил он, и в этом не было упрямства, только тихая, болезненная уверенность. — Навсегда.

— Нет, — я сжала его руку крепче, будто могла через прикосновение вернуть его обратно. — Если ты откроешь, ты умрёшь. И я умру. И все, кого мы знаем, — умрут. Город исчезнет. Всё исчезнет.

Он наконец посмотрел на меня долго, будто пытался разглядеть сквозь пелену. И в какой-то миг в его глазах мелькнуло что-то знакомое — тот самый папин взгляд, от которого становилось спокойно даже в самую страшную грозу. Как будто он на секунду очнулся.

— Арина? — голос вдруг стал его собственным: хриплым, испуганным. — Что… что я делаю? Где я?

— Ты стоишь у двери, — тихо сказала я, стараясь не спугнуть этот проблеск ясности. — С молотком.

Он опустил взгляд. Увидел молоток в своей руке, будто впервые его заметил. Потом перевёл глаза на дверь, потом на меня. Лицо его побелело, черты будто заострились от внезапного ужаса.

— Я не помню, — прошептал он, отступая на шаг, будто сам себя боялся. — Я не помню, как сюда пришёл. Я… я спал. Мне снилась мама. Она звала меня. Я пошёл на голос, просто шёл, не думая. А потом… потом ничего. Пустота.

— Пойдём наверх, — я потянула его за руку, мягко, но настойчиво. — Пожалуйста, пойдём. Тебе нужно лечь.

Он пошёл — медленно, неуверенно, будто ноги не слушались. У лестницы остановился, обернулся и снова посмотрел на дверь. В этом взгляде не было ни надежды, ни зова — только холодный, липкий страх.

— Арина, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Оно не отпустит. Я чувствую. Оно не даёт просто уйти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.